3960

3960

ПЯТЬ ЛѢТЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ВОСПОМИНАНІЯ

Профессора Роммеля

О СВОЕМЪ ВРЕМЕНИ, О ХАРЬКОВѢ И ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
1868.

Форм.
№

3960.

ПЯТЬ ЛѢТЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ПЯТЬ ЛѢТЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ВОСПОМИНАНІЯ

Профессора Роммеля

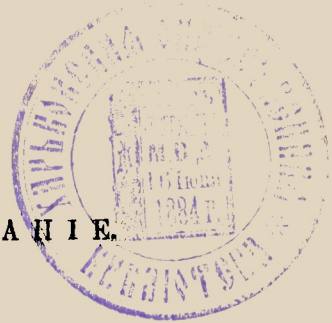
О СВОЕМЪ ВРЕМЕНИ, О ХАРЬКОВѢ И ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

(1785 — 1815).

10 32213

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
1868.

Дозволено цензурою. 21 Іюня 1868 года. Кіевъ.



СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе.

I. Дѣтство и воспитаніе Роммеля. Студентская жизнь въ Марбургѣ и Геттингенѣ. Докторскій экзаменъ. Назначеніе профессоромъ въ Марбургъ. . . . . . .

II. Жизнь въ Марбургѣ, профессорская дѣятельность и политическое направленіе Роммеля. Присоединеніе Гессена къ вестфальскому королевству. Положеніе общества. Деспотизмъ французовъ. Стѣсненіе свободы университетовъ и смѣлость его членовъ. Жеромъ Наполеонъ и его министры. Іоганнъ Мюллеръ. Уничтоженіе двухъ университетовъ. Вызовъ въ Россію. 13

III. Путешествіе отъ Касселя до Харькова въ ноябрѣ и декабрѣ 1810 года. (Брауншвейгъ. Берлинъ и его знаменитости. Дрезденъ. Прага. Лембергъ. Русская граница. Кіевъ. Украинская честность и гостепріимство). 33

IV. Пріѣздъ въ Харьковъ. Русскіе университеты, особенно харьковскій. Студенты и ихъ направленіе. Первая дѣятельность Роммеля и

первыя его впечатлѣнія. Поѣздка въ Славянскъ. Партіи въ университетъ: русскіе, нѣмцы, французы. Шадъ, Пильгеръ, Швейкартъ и др. Ректоръ Стойковичъ. 47

V. Высшія городскія власти (губернаторъ, предсѣдатель уголовной палаты, инспекторъ врачебной управы, полиціймейстеръ). Каразинъ и Биберштейнъ. Недоступность свѣдѣній о политическихъ событіяхъ Европы. Генералъ Ковалинскій. Продажность профессоровъ. Проѣздъ грузинской царицы. Турецкіе плѣнные. Валковская рѣзня. Чувства украинцевъ при вѣсти о нашествіи Наполеона. Русскій патріотизмъ того времени. Положеніе иностранцевъ въ Харьковѣ. Французскіе плѣнные. Вражда бонапартистовъ и поляковъ къ приверженцамъ Бурбоновъ. 73

VI. Женитьба Роммеля. Окрестные помѣщики: г-жа Дунина, Андрей Ивановичъ Черновъ; какой-то потомокъ разбойничьяго атамана. Политическія сужденія русскихъ послѣ изгнанія Наполеона. Алымовъ и генералъ Ламбертъ. Домъ генерала Ковалинскаго. 88

VII. Путешествіе отъ Харькова до Петербурга и и возвращеніе Роммеля на родину . . . . 99.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія нашихъ университетовъ до послѣдняго времени была весьма мало разработана. Московскій университетъ, готовясь праздновать столѣтній юбилей, издалъ къ тому времени (въ 1855 г.) обзоръ своей прошлой дѣятельности. Этотъ трудъ [1], вмѣстѣ съ «Біографическимъ словаремъ профессоровъ и преподавателей московскаго университета» за цѣлое столѣтіе, долго оставался единственнымъ матеріаломъ для изученія хода просвѣщенія въ Россіи, въ связи съ жизнію старѣйшаго изъ нашихъ университетовъ.

Подготовка и, потомъ, изданіе устава университетовъ въ 1863 году дали новый толчокъ къ разработкѣ исторіи этихъ учрежденій. Университетскій вопросъ сталъ живымъ, практическимъ вопросомъ и требовалъ скораго рѣшенія. Отчасти сознаніе потребности стать на твердой почвѣ дѣйствитель-

[1] Исторія московскаго университета.

ности и опыта при обсужденіи новаго устава, отчасти простое желаніе набросать свои личныя воспоминанія изъ прежней студентской жизни, или *сказать свое слово*, вызвали въ журналахъ нѣсколько статей о состояніи университетовъ въ прежнее время. Лучшія изъ нихъ принадлежатъ Шульгину (о кіевскомъ университетѣ) и Панаеву (Воспоминанія о московскомъ университетѣ). Около того же времени является цѣлый рядъ статей, съ сатирическимъ оттѣнкомъ, подъ названіемъ: «Студенты прежнихъ временъ» и т. подобными. Какъ матеріалъ для исторіи—онѣ сомнительнаго достоинства. Сцены студентской жизни вносились въ романы[1], или служили сюжетомъ для легкаго литературнаго разсказа. Нерѣдко также эти разсказы писались съ предвзятою мыслію; а иногда ихъ авторы, вдохновившись *даромъ обличенія*, рады были случаю поглумиться вдоволь надъ прошедшимъ. — Изъ такого матеріала, гдѣ трудно отличить истину отъ примѣси фантазіи и сатиры, остается немного пригоднаго для будущихъ историческихъ работъ. Прибавивъ къ этимъ разнообразнымъ очеркамъ небольшое число отдѣльныхъ фактовъ изъ мнѣній въ «Замѣчаніяхъ на проектъ устава Императорскихъ россійскихъ университетовъ», мы исчерпаемъ все, что до послѣд-

[1] Сцены изъ жизни дерптскихъ студентовъ въ романѣ Боборыкина «Въ Путь-Дорогу».

няго времени было написано въ русской литературѣ о прошлой жизни нашихъ университетовъ.

Нечему удивляться, если полувѣковая дѣятельность нашихъ университетовъ, основанныхъ при Александрѣ I, прошла тихо, чуть замѣтно и не вызвала ни одного спеціальнаго труда. Такіе пробѣлы повторяются въ жизни почти всѣхъ нашихъ учрежденій; едва-ли хоть одно изъ нихъ имѣетъ писанную исторію своего прошлаго. Обычай издавать отчеты по разнымъ отраслямъ государственной и общественной дѣятельности вошелъ въ употребленіе недавно; публичность и гласность у насъ — дѣло новое; онѣ еще не обратились въ насущную для всѣхъ потребность. Наша печать, какъ извѣстно, долго поставлена была въ самыя невыгодныя условія; и до сихъ поръ еще эти условія тяготѣютъ надъ провинціею. Наша жизнь, особенно въ дѣлѣ просвѣщенія, шла скачками и крутыми поворотами: то мы неслись впередъ на всѣхъ парахъ, какъ въ первые четыре года царствованія Александра I, то вдругъ останавливались и поворачивали назадъ, подъ вліяніемъ Магницкихъ. Такъ называемыя студентскія исторіи поднимали тревогу въ разныхъ сферахъ, влекли за собою самыя печальныя послѣдствія и вызывали на стѣснительныя мѣры. Нерѣдко суровая невзгода тяготѣла надъ университетами; они подчинялись особому надзору и контролю администраціи. Вслѣдъ за тѣмъ, скоро или нескоро,

воздухъ очищался отъ міазмовъ недовѣрія и подозрѣнія, Богъ-вѣсть, откуда залетавшихъ; тревога, пронесясь надъ мирною средою, улегалась; слѣды ея сглаживались временемъ и все опять входило въ обыкновенную колею; надолго ли — никто не могъ предугадать. Это вѣчное колебаніе, эти частые переходы изъ одной крайности въ другую, которыми ознаменованы истекшіе полвѣка въ жизни нашихъ университетовъ, мѣшали правильному ихъ развитію; такъ же мало были благопріятны остальныя условія общественной жизни для литературной ихъ дѣятельности и близкаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія.

Съ такимъ нестройнымъ матеріаломъ подъ руками, певсегда удобно писать исторію; для исторической истины нужны особенно благопріятныя обстоятельства: Rara temporum felicitas, ubi sentire, quae velis et, quae sentias, dicere licet. Какъ пора застоя и подневольнаго молчанія, такъ и распущенность въ литературѣ, несбходимо за тѣмъ слѣдующая, съ преобладаніемъ такъ называемаго обличительнаго направленія, одинаково вредны для истины. Въ такіе періоды историкъ обращается въ простого панегириста, въ злого и жолчнаго сатирика, или же долженъ ограничиваться сухимъ перечнемъ событій и именъ, не смѣя позволить себѣ ни вѣрной оцѣнки характера, заслугъ, ошибокъ или недостатковъ дѣйствующихъ лицъ, ни свободно вы-

сказать свои мнѣнія о духѣ и направленіи описываемой эпохи.

Только въ послѣдніе три-четыре года начали появляться спеціальныя изслѣдованія объ исторіи университетовъ и вліяніи ихъ на ходъ просвѣщенія въ Россіи [1]. Авторы этихъ изслѣдованій обращаются къ изученію документовъ, разсѣянныхъ по архивамъ разныхъ университетовъ и къ массѣ правительственныхъ распоряженій, вошедшихъ въ извѣстные сборники законовъ. Профессоръ петербургскаго университета, М. И. Сухомлиновъ, напечаталъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія [2] двѣ обширныя статьи, подъ заглавіемъ: «*Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I*». Тогда же въ Вѣстникѣ Европы [3] помѣщена особая глава «*Первая эпоха преобразованій императора Александра I.—Народное просвѣщеніе*» изъ новаго обширнаго труда, составляемаго извѣстнымъ военнымъ писателемъ М. Богдановичемъ по исторіи императора Александра I и Россіи въ его время.— Профессоръ Сухомлиновъ, затрогивая всѣ стороны

---

[1] Такіе труды, какъ соч. Пекарскаго: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», выходятъ изъ нашей тѣсной рамки.

[2] См. 1865 г. октябрь, и 1866, ноябрь, или част. CXXVIII и CXXXII этого журнала.

[3] См. Іюнь, 1866 г.

университетской жизни, главнымъ образомъ останавливается (въ первой статьѣ, ч. 128) на исторіи казанскаго и харьковскаго университетовъ. — Богдановичъ обозрѣваетъ общія мѣры, принятыя Александромъ I для прочнаго водворенія наукъ и искусствъ въ Россіи. Глава, напечатанная въ Вѣстникѣ Европы, представляетъ сжатый, но весьма полный очеркъ законодательной дѣятельности по этому предмету въ первые четыре года царствованія Александра Благословеннаго.

О дѣятельности харьковскаго университета за первыя двадцать пять лѣтъ его существованія сохранилось очень мало свѣдѣній. Здѣсь мы можемъ указать только на «Историко-статистическія записки объ Императорскомъ харьковскомъ университетѣ и его заведеніяхъ, отъ основанія университета до 1859 года», составленныя помощникомъ попечителя харьковскаго учебнаго округа[2] К. К. Фойгтомъ. Далѣе, къ исторіи этого университета относятся три статьи профессора Рославскаго-Петровскаго: первая — «Краткое историко-статистическое обозрѣніе Императорскаго харьковскаго университета», была помѣщена въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Статья «Объ ученой дѣятель-

[2] Впослѣдствіи попечителемъ, нынѣ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. — Это была первая попытка представить полный, хотя самый краткій обзоръ полувѣковой жизни харьковскаго университета.

ности харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія» напечатана въ Журналѣ мин. нар. просв. [1]. Послѣдняя-брошюра-«Университетскій вопросъ», написана въ отвѣтъ Пирогову, по поводу его мнѣнія о преобразованіи университетовъ. Здѣсь сообщено нѣсколько любопытныхъ фактовъ изъ прошлой исторіи харьковскаго университета. Можно пожалѣть, что авторъ этихъ статей не имѣлъ досуга подробно разработать хотя-бы одинъ значительный періодъ изъ исторіи близкаго ему университета. Проведя лучшую часть своей жизни въ Харьковѣ (какъ студентъ, профессоръ и ректоръ университета), онъ самъ видѣлъ и пережилъ многое, что весьма интересно было бы сохранить на память потомству [2]. Разработка исторіи университетовъ по однимъ офиціальнымъ, уцѣлѣвшимъ въ архивахъ матеріаламъ, какъ бы она ни была хорошо исполнена, не сравнится въ привлекательности съ разсказомъ правдиваго очевидца, особенно когда онъ самъ былъ дѣятельнымъ участникомъ описываемыхъ событій. Наконецъ, факты, относящіеся къ исторіи просвѣщенія въ Мало-

---

[1] См. 1855 г., № 7.

[2] Желательно, чтобы указанныя нами три статьи г. Ромашевскаго-Петровскаго были собраны и изданы отдѣльною книжкою.

россіи, собраны г. Данилевскимъ въ его «Украинской старинѣ». (Харьковъ. 1866) [1].

Желая прибавить что-нибудь къ скуднымъ матеріаламъ для исторіи ученаго учрежденія, на ряду съ другими оказавшаго большія услуги русскому просвѣщенію и своимъ вліяніемъ поддержавшаго духъ любознательности и науку въ юго-восточномъ краѣ, мы представляемъ небольшой очеркъ состоянія харьковскаго университета въ эпоху, близкую къ его основанію. Этотъ очеркъ составленъ по запискамъ профессора Роммеля, помѣщеннымъ въ 5-мъ томѣ извѣстнаго историческаго сборника Бюлау: Geheime Geschichten u. räthsellafte Menschen (Leipzig. 1854), подъ заглавіемъ: Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit (стр. 421—600). Немногимъ пришло бы въ голову искать въ сборникѣ Бюлау матеріаловъ для исторіи харьковскаго университета. Они были извлечены изъ забвенія и въ первый разъ напечатаны въ «Южномъ Сборникѣ», издававшемся въ Одессѣ, въ 1859 году, подъ редакціею покойнаго профессора ришельевскаго лицея и новороссійскаго университета, Николая Ивановича Максимова (№№ 9, 10, 11).—Нѣсколько примѣчаній, сдѣланныхъ достойнымъ памяти профессоромъ, сохранены съ особою отмѣткою.—Издавая теперь этотъ очеркъ отдѣльною книжкою, съ не-

[1] Стр. 287—403 (Харьковскія народныя школы).

большими измѣненіями и дополненіями, мы думаемъ, что онъ не будетъ лишнимъ при незначительномъ запасѣ наличнаго матеріала для исторіи харьковскаго университета въ первые годы его существованія. Никто изъ первыхъ студентовъ нашихъ университетовъ не набросалъ подобныхъ «Воспоминаній». Съ каждымъ годомъ рѣдѣетъ небольшое число свидѣтелей того блестящаго періода въ исторіи нашего просвѣщенія, когда «русскіе всѣхъ сословій, соревнуя своему государю, наперерывъ содѣйствовали пользѣ наукъ и народному образованію» [1]. Еще нѣсколько лѣтъ—и живое преданіе объ этомъ замѣчательномъ времени исчезнетъ совершенно [2]. Вотъ почему еще интересно сохранить отъ забвенія немногіе, уцѣлѣвшіе случайно факты о первой дѣятельности университетовъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о личности Роммеля и содержаніи его записокъ.

Роммель любитъ разсказывать о томъ, что онъ самъ видѣлъ и пережилъ. Времена своего дѣтства онъ знаетъ только по разсказамъ другихъ и говоритъ объ нихъ немного. Занимательность его за-

---

[1] *М. Богдановичъ*, «Первая эпоха преобразованій», Вѣстн. Евр. Іюнь, 1863 (стр. 146).

[2] Сколько намъ извѣстно, изъ харьковскихъ студентовъ *перваго* выпуска осталось живыхъ только два лица: Т. И. С—въ, бывшій директоромъ училищъ, и Г. Д—въ, служивший архитекторомъ.

писокъ растетъ по мѣрѣ того, какъ онъ выступаетъ въ роли очевидца и дѣйствующаго лица, т. е. съ началомъ нынѣшняго столѣтія.—Получивъ степень доктора философіи въ Геттингенѣ, Роммель на двадцать-третьемъ году переходитъ профессоромъ въ Марбургъ. Первые годы его ученой и общественной жизни (1804—1810) принадлежатъ тому періоду, когда могучая рука Наполеона I тяготѣла надъ Германіею. Поставленный очень счастливо для наблюденія, Роммель открываетъ нашему взору небольшой уголокъ обширнаго храма славы, воздвигнутаго революціоннымъ завоевателемъ, показываетъ намъ: какъ много темныхъ сторонъ и *незримыхъ міру слезъ* скрыто было за великолѣпными пилястрами этого храма, и на нѣсколькихъ страницахъ набрасываетъ живую картину общественнаго быта тогдашней Германіи.

Проходитъ шесть лѣтъ. Молодой профессоръ успѣлъ составить себѣ почетное имя и, по рекомендаціи знаменитаго филолога Гейне, получилъ приглашеніе отъ русскаго правительства въ Харьковъ, на каѳедру древнихъ литературъ. Около пяти лѣтъ онъ провелъ въ Харьковѣ (1811—1815), женился на хохлушкѣ, освоился съ Малороссіею, получилъ доступъ въ самое разнообразное общество, и, съ наблюдательностью свѣжаго и новаго человѣка, собралъ множество тонкихъ, характеристическихъ замѣтокъ о нравахъ и жизни тогдашняго общест-

ва. Ярко изображаетъ онъ также духъ и настроеніе умовъ замѣчательной эпохи 1812-го года.

Особенно драгоцѣнны его замѣтки о состояніи харьковскаго университета. Вообще наши университеты такъ недавно начали свою дѣятельность, такъ молоды, по сравненію съ западно-европейскими, что почти не имѣютъ исторіи, не знаютъ благъ *вѣковаго славнаго преданія*. До послѣдняго времени стоя въ обществѣ одиноко, они жили замкнутою жизнію и съ трудомъ поддерживали ту первоначальную идею, которая положена Александромъ Благословеннымъ въ основаніе русскихъ университетовъ: «Быть дѣятельными и главными проводниками образованія въ народѣ; словомъ и дѣломъ подвигать общество на пути просвѣщенія».

Въ запискахъ Роммеля представленъ замѣчательный, хотя небольшой періодъ изъ полустолѣтней жизни харьковскаго университета. Какъ дѣятель, сильно сочувствующій всѣмъ интересамъ своего времени и своего круга, Роммель возстановляетъ передъ нами живой образъ прошлаго. Изъ его простого и откровеннаго разсказа видно, что онъ не увлеченъ ни духомъ партіи, ни личнымъ пристрастіемъ. Онъ глубоко правдивъ; рѣзко, но безъ желчи, выставляетъ онъ дурныя стороны людей и отдаетъ полную справедливость даже тѣмъ лицамъ, которыя ему несовсѣмъ по сердцу.

Эта правдивость, живой интересъ и свѣжесть,

которыми проникнуты записки Роммеля, давно возбудили въ насъ желаніе передать ихъ по-русски. Изъ собственнаго разсказа автора читатель познакомится съ его личностью и будетъ въ состояніи судить о его качествахъ, какъ историка. Потомъ мы представляемъ его жизнь въ Германіи и бѣглое — какое находимъ у него—описаніе путешествія въ Россію. Главную часть очерка составляютъ: разсказъ о пребываніи Роммеля въ Харьковѣ, объ университетѣ и любопытная картина харьковскаго общества восемьсотъ-десятыхъ годовъ. Взаключеніе, приводится краткое извѣстіе о возвращеніи его на родину, черезъ Москву и Петербургъ, и нѣсколько замѣчаній о Россіи того времени.

Вѣрные обязанностямъ переводчика, мы все передаемъ словами автора, позволяя себѣ опускать иногда мелкія подробности о лицахъ и происшествіяхъ, чисто мѣстныхъ и дорогихъ автору по воспоминанію, но мало интересныхъ для русскаго читателя.

Въ запискахъ Роммеля попадаются имена личностей, о которыхъ онъ упоминаетъ вскользь. Рижскій, первый ректоръ харьковскаго университета, Осиповскій и Успенскій, профессоры, пользовавшіеся большою и вполнѣ заслуженною извѣстностью, не выдѣляются у него изъ общей группы,

въ которую онъ собралъ всѣхъ своихъ товарищей. Подробныя біографическія свѣдѣнія и оцѣнка ученыхъ трудовъ этихъ лицъ представлены въ «Матеріалахъ» Сухомлинова [1].

Большой интересъ представляютъ также свѣдѣнія о первомъ попечителѣ харьковскаго округа, Северинѣ Осиповичѣ Потоцкомъ, собранныя у Сухомлинова [2]. Преданіе о Потоцкомъ и его благотворной дѣятельности на пользу просвѣщенія долго жило въ Харьковѣ; но положительныхъ свѣдѣній сохранилось немного объ этой замѣчательной личности. Соединивъ въ одно факты, записанные въ архивахъ, Сухомлиновъ заключаетъ характеристику Потоцкаго слѣдующими словами:

«Если-бы идеалы были возможны въ дѣйствительной жизни, Потоцкаго слѣдовало бы назвать идеаломъ попечителя, какъ понималось это званіе первымъ уставомъ русскихъ университетовъ». «Не вмѣшиваясь во всѣ части администраціи, не нарушая автономіи, безъ которой университетская жизнь то-же, что тѣло безъ души, Потоцкій былъ достойнымъ вождемъ университета, открывалъ ему способы къ развитію ученой дѣятельности и былъ

---

[1] Журналъ мин. народн. просв. ч. CXXVIII, отд. II, стр. 72—91.—Тамъ-же о Стойковичѣ и Шадѣ, стр. 93—95 и 100—101. Послѣднимъ двумъ Роммель отвелъ въ своихъ запискахъ видное мѣсто.

[2] Тамъ-же: Матеріалы; стр. 30—31, 67, 69 и 114.

дѣйствительнымъ представителемъ его въ главномъ правленіи училищъ» [1].

Полная біографія Каразина, о которомъ Роммель отзывается съ большимъ уваженіемъ, написана Данилевскимъ [2]. Доля участія В. Н. Каразина въ основаніи харьковскаго университета станетъ понятна всякому, если мы скажемъ, что онъ завѣдывалъ дѣлами главнаго правленія училищъ. Подъ его руководствомъ составленъ какъ общій планъ народнаго воспитанія, такъ и предначертаніе университетскаго устава [3]. Данилевскій, кромѣ того, приводитъ доказательства, что Каразину принадлежитъ *мысль* объ учрежденіи университета въ Харьковѣ. Онъ также ходатайствовалъ у императора Александра I объ утвержденіи въ этомъ городѣ «сего высшаго училища» [4]. Роммель съ своей стороны называетъ Каразина истиннымъ основателемъ харьковскаго университета.

Я. Балясный.

Харьковъ.
30 Августа.
1868.

---

[1] Тамъ-же, стр. 31.

[2] Украинская старина (Харьковъ. 1866.), стр. 99—169 (Василій Назарьевичъ Каразинъ).

[3] *Сухомлиновъ*, Матеріалы, стр. 60. (Журн. мин. нар. просв. ч. CXXVIII).

[4] Украинская старина, стр. 128—129.

I.

Дѣтство и воспитаніе Роммеля. Студентская жизнь въ Марбургѣ и Геттингенѣ. Докторскій экзаменъ. Назначеніе профессоромъ въ Марбургъ.

Я родился въ Касселѣ, 17 апрѣля 1781 г., при ландграфѣ Фридрихѣ II. Отецъ мой происходилъ отъ древней и уважаемой фамиліи, имя которой связано съ реформаціею, и былъ первымъ духовнымъ лицомъ реформатской церкви въ герцогствѣ [1]. Представляя образецъ кроткаго, полнаго любви и образованнаго пастыря, онъ далъ многочисленному своему семейству прекрасное воспитаніе, чуждое всякаго педантизма и предразсудковъ.

Къ самымъ раннимъ воспоминаніямъ моего дѣтства принадлежатъ черные барабанщики, прибывшіе изъ Америки съ гессенскими солдатами: мнѣ было тогда около пяти лѣтъ. Когда они, въ блестящихъ мѣдныхъ перевязяхъ, плавали въ Фуль-

[1] Онъ былъ генералъ-суперинтендентомъ и придворнымъ проповѣдникомъ.

дѣ, мы, дѣти, принимали ихъ за черныхъ пуделей. Помню также большой пожаръ театра: подъ пепломъ сгорѣвшаго гардероба находили мы золотое и серебряное шитье тѣхъ римскихъ императоровъ, которые разъѣзжали на слонахъ въ пылу сраженій и пѣли итальянскія бравурныя аріи.

Тогда было время масоновъ, иллюминатовъ, восторженныхъ апостоловъ просвѣщенія и разныхъ политическихъ прожектеровъ, которые разсчитывали на легковѣріе нѣмецкихъ дворовъ. Всесильный министръ ландграфа Фридриха, Шлиффенъ, которому Кассель обязанъ вызовомъ Іоганна Мюллера, Форстера и другихъ знаменитыхъ ученыхъ, описываетъ въ своихъ мемуарахъ [1] польскихъ искателей фортуны [2]: въ 1771 г. они едва не убѣдили ландграфа Фридриха отдать свои сокровища за пустыя надежды на польскую корону. Странныя исторіи находили тогда вѣру, чудныя превращенія совершались! Одинъ разъ разсказывали о негритянскомъ принцѣ, который изъ Америки приходитъ въ Кассель, потомъ возвращается на родину и вступаетъ на престолъ своихъ черныхъ предковъ [3]; въ другой

[1] Берлинъ. 1830.

[2] То были: Мостовскій, воевода познанскій, образецъ древнесарматской грубости; Канушка, прошедшій огонь и воду іезуитъ, съ подложнымъ именемъ Салини, и графъ Бало, генуэзскій шарлатанъ.

[3] Одинъ ученый того времени написалъ исторію просвѣщенія Абиссиніи на основаніи этого невѣроятнаго романа.

разъ появлялся на сцену принцъ визапурскій и вмѣстѣ начальникъ янычаръ грузинскаго царя. У меня хранится роспись этого послѣдняго обманщика, бывшаго кондитора: онъ называетъ себя Фогоро Парусъ и обѣщаетъ одному кассельскому врачу 5,000 червонцевъ годоваго жалованья, если тотъ поѣдетъ съ нимъ въ Грузію.

Не стану много говорить о первомъ своемъ воспитаніи. Оно было просто и вполнѣ свободно. Съ раннихъ лѣтъ отецъ пріучалъ насъ къ простой пищѣ, къ холодной водѣ и купаньямъ. Я былъ неразлучнымъ его спутникомъ во время частыхъ прогулокъ и недальнихъ поѣздокъ по прекраснымъ окрестностямъ Касселя. Кругомъ города, на небольшомъ пространствѣ, природа соединила самыя разнообразныя картины: вдали синѣются горы, подлѣ раскинулись плодоносныя долины, орошаемыя красивыми рѣчками Диммелемъ, Эддеромъ и Швальмомъ; по низовьямъ Гессена разбросаны островерхія возвышенности изъ базальта и развалины рыцарскихъ замковъ. Посреди этихъ ландшафтовъ, не грозныхъ, но прекрасныхъ, развилась во мнѣ любовь къ природѣ и къ родинѣ. Тогда-же полюбилъ я и привыкъ уважать неутомимаго въ трудахъ земледѣльца: рослая и сильная его фигура съ загорѣлымъ лицомъ, съ длинными, распущенными по плечамъ волосами, напоминала древнихъ хаттовъ, потомками которыхъ называютъ себя гессенцы.

Отецъ мой желалъ, чтобъ одинъ изъ сыновей его (насъ было семеро) изучалъ богословіе; выборъ палъ на меня, по старшинству втораго, и не былъ дѣломъ вдохновенія родителей. Врожденный даръ слова, усердіе мое къ церковной службѣ и дѣтская готовность помогать при священнодѣйствіи, остановили сначала на мнѣ мысль старика; впослѣдствіи особенное мое прилежаніе при переводѣ еврейскихъ псалмовъ, когда отецъ сталъ учить меня этому языку, усилило въ немъ надежду, что со-временемъ я буду достойнымъ его преемникомъ по краснорѣчію. Заранѣе начали готовить меня къ будущему призванію и не упустили даже познакомить съ арабскимъ языкомъ: я бралъ уроки у какого-то кандидата богословія, по имени Вискеманна, который жилъ на дальнемъ переулкѣ кассельскаго предмѣстья, въ темной кануркѣ, въ нищетѣ и, несмотря на то, владѣлъ дорогими восточными рукописями.

Лицеемъ, куда я поступилъ, управлялъ ректоръ Рихтеръ. Этотъ изящно образованный филологъ зналъ тайну возбудить въ своихъ ученикахъ любовь и уваженіе къ себѣ и своей наукѣ, и умѣлъ поддержать между нами соревнованіе. Въ субботу рѣшалось старшинство въ классѣ по результату латинскихъ упражненій: какъ часто этотъ день былъ предметомъ моихъ мечтаній, обѣтовъ и молитвъ!—Изъ латинскихъ писателей я любилъ осо-

бенно Цицерона; подъ вліяніемъ его патріотическихъ громовыхъ рѣчей, въ нашемъ дѣтскомъ воображеніи слагался идеалъ республики, такой длинной республики, въ которой легко и свободно развивались добродѣтельные граждане и великіе герои. Разумѣется, мы не понимали значенія начавшейся тогда французской революціи. Помню только, какое общее негодованіе возбудилъ переданный намъ въ классѣ разсказъ о казни Людовика XVI и о предсмертныхъ истязаніяхъ прекрасной герцогини Ламбалль. Еще живо осталась у меня въ памяти трогательная судьба нашего перваго французскаго учителя, эмигрировавшаго графа. Съ трудомъ добывалъ онъ кусокъ хлѣба для жены и сестры, по-вечерамъ сидѣлъ, вмѣстѣ съ семьею, за нашимъ ученическимъ столомъ, около тусклой лампы; но всегда былъ веселъ и соединялъ свѣтлую покорность судьбѣ съ самымъ точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей.—Нашъ государь, Вильгельмъ IX, былъ первымъ открытымъ врагомъ французской революціи; тотчасъ послѣ несчастнаго похода въ Шампань и удачнаго занятія Франкфурта, онъ устроилъ кордонную линію противъ нѣмецко-французскихъ возмутителей и все пустилъ въ ходъ, чтобъ внушить своимъ подданнымъ глубочайшую ненависть къ демагогамъ и якобинцамъ. Нѣсколько времени тяжкихъ преступниковъ въ нашей столицѣ наряжали во французскіе панталоны и кру-

лыя шляпы; поэтому геттингенскій профессоръ Бугервекъ надѣлалъ много шуму, когда явился на парадъ въ такомъ-же платьѣ въ Кассель.

Окончивъ курсъ въ лицеѣ, я на осьмнадцатомъ году (1799) поступилъ въ марбургскій университетъ и велъ самую скромную жизнь. Квартира моя, въ домѣ извѣстнаго богослова Арнольди, имѣла монастырскую наружность; тамъ царствовали строгій порядокъ и тишина; хозяйствомъ управляли двѣ женщины: старая, добродушная и болтливая, но крайне безобразная жена Арнольди и отцвѣтающая дѣва, его племянница. Я почти не зналъ развлеченій; всегда являлся домой въ урочный часъ и только разъ былъ на студентскомъ коммершѣ, гдѣ лилось вино и черные братья обнаженной шпагой подавали сигналъ къ пѣснямъ. — Изъ лекцій особенно нравились мнѣ объясненія Арнольди на Исаію и Крейцера о греческихъ историкахъ. Я совершенствовалъ также свой латинскій слогъ подражаніемъ Цицерону и, несмотря на убѣжденія бабушки, очень уважалъ Вольтера, особенно его Mélanges de littérature et de philosophie, замѣчательныя по живымъ, игривымъ оборотамъ; впрочемъ, изъ нихъ я почерпнулъ не легкій взглядъ на религію, а напротивъ, энтузіазмъ къ просвѣщенію человѣчества.

Въ 1800 году, по желанію отца, я перешелъ въ Геттингенъ, занимавшій тогда первое мѣсто въ ря-

ду германскихъ университетовъ, по рѣдкому соединенію великихъ ученыхъ, по свободной литературной дѣятельности и по избранной, обширной библіотекѣ. Въ Геттингенѣ мои ученыя стремленія нашли полное удовлетвореніе. До сихъ поръ я не выходилъ изъ тѣснаго круга богословской пропедевтики; здѣсь новый міръ открылся для моей любознательности, безграничная арена развернулась передо мною: Гейне указалъ все богатство сокровищъ древности; Эйхгорнъ, Геренъ и Шлецеръ ввели въ область древней и новой исторіи и общей географіи; Блуменбахъ вызвалъ къ разумному созерцанію природы.

Главнымъ моимъ учителемъ былъ Гейне, настоящій правитель университета. Онъ принялъ меня въ свой филологическій семинарій, и часто его умные, проницательные глаза обращались съ каѳедры на меня съ любовью. Правда, въ манерѣ его было что-то жесткое и повелительное, когда онъ, подобно неразгаданному оракулу, выходилъ изъ своего, заваленнаго бумагами, кабинета. Но меня не пугало первое впечатлѣніе. Однажды, со слезами на глазахъ, я открылъ ему, какъ измѣнился мой эстетическій вкусъ: мнѣ стала понятна красота формъ, прежде недоступная. Этимъ эстетическимъ развитіемъ я былъ обязанъ его археологическимъ чтеніямъ о неподражаемыхъ образцахъ искусства классической древности. Сильно подвинуло мои заня-

тія и то, что я жилъ противъ квартиры Гейне и усвоилъ себѣ его привычку—вставать рано и работать по утрамъ. Онъ поощрялъ мои литературные труды, сочиненія на премію философскаго факультета. Первымъ изъ нихъ было описаніе Аравіи, по тексту Абульфеды.

Какихъ усилій стоило мнѣ это произведеніе! По двѣнадцати часовъ въ день проводилъ я надъ извлеченіями изъ всѣхъ возможныхъ географовъ, отъ Моисея до Нибура, не оставлялъ картъ даже во время обѣда, видѣлъ во снѣ Мекку и Медину. Трудъ мой непропалъ даромъ; сочиненіе признано достойнымъ награды.

Мало этого: Блуменбахъ взялся переслать его двумъ знаменитѣйшимъ оріенталистамъ того времени: Вильяму Узеле (Ouseley), въ Англіи, издателю Asiatic Researches, Oriental Collections, и Сильвестру де Саси, въ Парижѣ. Лестные для молодаго ученаго отзывы ихъ скоро пришли. Узеле вѣжливо отвѣчалъ мнѣ изъ кофейни Ллойда въ Лондонѣ; Сильвестръ де Саси написалъ подробную рецензію и высылалъ съ того времени sous bande мелкія свои сочиненія о Востокѣ. Вниманіе великихъ ученыхъ такъ ободрило меня, что я продолжалъ заниматься тѣмъ-же предметомъ, началъ печатать свои изслѣдованія объ Аравіи въ разныхъ ученыхъ журналахъ и скоро перешелъ къ изученію Кавказа [1].

[1] Мимоходомъ замѣчу, что знаменитый Риттеръ впослѣд-

Тогда-же предлагали мнѣ мѣсто профессора въ Харьковѣ (1803); но я отказался, не принялъ также предложенія Гейне — провожать въ Италію одного знатнаго юношу и не хотѣлъ промѣнять ни на что въ свѣтѣ свой тихій музей противъ геттингенской библіотеки. Великіе планы, мечты о дальнихъ путешествіяхъ роились въ моей головѣ; я готовился на подвиги и работалъ неутомимо, съ жаромъ.

Свѣтлый взглядъ на жизнь, крѣпкое здоровье, неразстроенное никакими излишествами, правильное распредѣленіе времени и занятій помогли мнѣ сдѣлать много: въ три года я не только познакомился съ двѣнадцатью языками, древними и новыми, но еще успѣлъ приготовить множество небольшихъ статей для журналовъ.

Докторскій экзаменъ я держалъ въ то время, когда весь городъ, вся окрестность, всѣ гессенцы были въ движеніи по случаю провозглашенія гессенскаго владѣтеля курфирстомъ (14 мая 1803 г.). Почтенные члены философско-литературнаго факультета соборомъ молились за меня. Впрочемъ, я отдѣлался дешево съ тѣмъ запасомъ свѣдѣній, какія были наготовѣ. Деканъ факультета, Эйхгорнъ, открылъ экзаменъ вопросомъ о магометанскомъ переворотѣ. Здѣсь я былъ у себя дома и отвѣчалъ

стніи отдалъ справедливость моимъ трудамъ по географіи древней Азіи.

блистательно. Главные мои экзаменаторы, *Гейне* и *Шлецеръ*, разошлись на тотъ разъ по какому-то литературному вопросу. Разладъ двухъ знаменитостей пришелся мнѣ очень кстати и облегчилъ мое положеніе, въ которомъ нельзя было не лавировать. Дѣло приняло такой оборотъ: Шлецеръ, большой знатокъ исторіи варварскихъ народовъ, съ насмѣшливою миною обращался ко мнѣ и въ своихъ вопросахъ о мелкихъ греческихъ народцахъ и ихъ кацикахъ иронически высказывалъ свое пренебреженіе къ грекамъ, или свои сомнѣнія въ достовѣрности отца исторіи, Геродота; тутъ Гейне, страстный почитатель изящной эллинской образованности, не выдерживалъ и съ необыкновенною живостью перебивалъ его словами: iterum de Herodoto quaeramus (возвратимся снова къ Геродоту). Скиѳы и сарматы удалялись со сцены, и я свободно могъ высказаться, исчислить всѣ pro и contra и упомянуть, что многія извѣстія Геродота объ Азіи и Африкѣ, считавшіяся баснословными, подтверждены новѣйшими открытіями путешественниковъ. Факультетъ остался доволенъ моимъ экзаменомъ. Такъ-же счастливо прошелъ публичный диспутъ, который въ то время не былъ еще отжившею, пустою формальностью. Установившись въ Геттингенѣ, я по-немногу началъ выходить изъ школы въ свѣтъ и знакомиться съ живыми квартантами и фоліантами. Не ограничиваясь факультетскими науками, которыхъ

узкое цеховое разграниченіе никогда мнѣ не нравилось, я обошелъ лекціи почти всѣхъ корифеевъ геттингенскаго университета: Аммона, Планка, Шютгера, Мартенса и др., не забылъ посѣтить акушерскую клинику Озіандера, послушать колкія выходки знаменитаго хирурга Рихтера противъ буквоѣдовъ-филологовъ и не скучалъ болтливымъ самохвальствомъ анатома Бриберга. Между тѣмъ кругъ моего знакомства расширялся: въ дружескія отношенія вступилъ я съ Мичерлихомъ, бывалъ на вечерахъ у Мартенса, Шютгера и усердно посѣщалъ концерты Форкеля, ученика Себастіана Баха. Одинъ изъ знакомствъ этого періода остались на всю жизнь; другія были полезны мнѣ во время пребыванія въ Россіи.

Въ качествѣ приватъ-доцента, я открылъ уже въ Геттингенѣ свои чтенія о Гомерѣ; но въ 1804 г. свиданіе съ курфирстомъ, который, во время проѣзда чрезъ Геттингенъ, пригласилъ меня къ себѣ и принялъ съ необыкновенной благосклонностью, дало другое направленіе моей карьерѣ. Совѣтъ марбургскаго университета предложилъ мнѣ экстра-ординарную каѳедру краснорѣчія и греческаго языка. Честолюбіе 23-лѣтняго филолога не могло устоять противъ такого соблазнительнаго предложенія, и я схватился за него обѣими руками, несмотря на блестящія надежды въ Геттингенѣ. Напутствуемый

поздравленіями и искренними желаніями моихъ прежнихъ наставниковъ, теперь товарищей — особенно старика Гейне, я отправился на родину и занялъ вакантную каѳедру послѣ Крейцера.

II.

Жизнь въ Марбургѣ, профессорская дѣятельность и политическое направленіе Роммеля. Присоединеніе Гессена къ вестфальскому королевству. Положеніе общества. Деспотизмъ французовъ. Стѣсненіе свободы университетовъ и смѣлость его членовъ. Жеромъ Наполеонъ и его министръ. Іоганнъ Мюллеръ Уничтоженіе двухъ университетовъ. Вызовъ въ Россію.
(1804 — 1810).

Пользуясь вакаціями передъ вступленіемъ въ должность, я совершилъ путешествіе пѣшкомъ по Рейну. Это было въ ту пору, когда наполеоновская имперія съ каждымъ днемъ росла, поглощая все кругомъ, и въ тотъ рѣшительный для Гессена моментъ, когда курфирстъ Вильгельмъ IX приглашенъ былъ въ Майнцъ ненавистнымъ ему *выскочкой*, притворился больнымъ и остался въ Ганау. Впослѣдствіи онъ отказался приступить къ рейнскому союзу, какъ сдѣлали другіе, болѣе разсчет-

ливые и сговорчивые члены Священной Имперіи Такое поведеніе *добраго* курфирста слишкомъ противорѣчило требованіямъ политики и выгодамъ его страны; но оно вытекало изъ твердыхъ понятій о чести нѣмецкаго государя.—Вездѣ на пути, въ Буцбахѣ, во Франкфуртѣ, при переправѣ чрезъ Майнъ и Рейнъ, возмущали меня сцены французскаго самовластія; съ мрачными предчувствіями воротился я въ Марбургъ. Романтическое положеніе этого города, жизнь въ пріятномъ и образованномъ обществѣ, присутствіе нѣсколькихъ поэтовъ и писательницъ (Вальдмана, Юсти, Брентано, Софіи Меро, Элизы Зоммеръ), дружескій пріемъ почти всѣхъ товарищей, скоро развлекли меня; счастливая будущность и кругъ дѣятельности по душѣ открывались, казалось, передо мной.—Тѣсныя отношенія завязались у меня съ Арнольди, старшимъ другомъ моего отца, съ химикомъ Вурцомъ и съ страстнымъ любителемъ древности, честнымъ и ученымъ терапевтомъ Конради. Скоро также я сдѣлалъ визитъ извѣстнѣйшимъ профессорамъ сосѣдняго университета въ Гиссенѣ, не стѣснялись враждою за наслѣдство между Гессенъ-Касселемъ и Гессенъ-Дармштадтомъ, которая перешла къ обоимъ университетамъ. Канцлеръ гиссенскаго университета, Кохъ, старый, всегда готовый къ бою публицистъ дармштадтскаго двора, встрѣтилъ меня жалобою на рѣдкія посѣщенія сосѣдей-товарищей и познако-

милъ съ политическими спорами обоихъ княжескихъ домовъ. Отъ правителей раздоръ сообщался народу, иногда переходилъ въ ненависть и высказывался особенно въ нашихъ пограничныхъ мѣстахъ, гдѣ хитрый и придирчивый сборщикъ пошлинъ, при малѣйшей небрежности марбургцевъ, выпускалъ своихъ сторожей, арестовывалъ оплошныхъ и требовалъ заклада. Подобное приключеніе случилось черезъ нѣсколько времени со мною. Разъ какъ-то отправился я въ Гиссенъ въ знойный полдень и задремалъ на лошади; подлѣ караульни меня не окликнули, но едва проѣхалъ я шаговъ двадцать впередъ, какъ былъ задержанъ и, несмотря на краснорѣчивыя свои оправданія, присужденъ къ уплатѣ штрафа. По пріѣздѣ въ Гессенъ мнѣ не трудно было, при помощи друга моего, исторіографа Шмидта, получить удовлетвореніе: судъ сдѣлалъ приговоръ о возвращеніи штрафныхъ денегъ и сверхъ того далъ строгій выговоръ коварному сборщику пошлинъ.

Въ первые два семестра лекціи мои о Горація, Ювеналѣ, Аполлодорѣ и Теофрастѣ заслужили одобреніе моихъ слушателей, сильно меня порадовавшее; кураторъ университета съ своей стороны изъявилъ мнѣ письменно благодарность и утвердилъ ординарнымъ профессоромъ. То былъ счастливый періодъ жизни, когда я еще думалъ, что мнѣ слѣдовало высказывать открыто свое глубокое отвра-

щеніе къ педантизму, свое презрѣніе къ рутинному занятію науками, какъ хлѣбнымъ ремесломъ; тогда не допускалъ я мысли, чтобы мое стремленіе къ живому, эстетическому изученію древнихъ, по примѣру Винкельмана и Гейне, поставило меня въ столкновеніе съ нѣкоторыми товарищами и отдалило отъ большинства студентовъ.

Въ первой-же своей программѣ о филологіи и философическомъ объясненіи древнихъ, напечатанной въ 1805 г., я объявилъ войну сухому буквоѣдству и съ большимъ жаромъ указывалъ филологическимъ наукамъ высшую, самостоятельную, разностороннюю задачу. На мой голосъ не было отзыва, какъ въ пустынѣ. Потомъ мало по малу увидѣлъ я огромные недостатки приготовительнаго ученія въ гимназіяхъ, понялъ грубость большинства служителей науки, взросшихъ подъ гнетомъ тяжелыхъ общественныхъ отношеній, убѣдился въ недостаточности библіотеки, гдѣ не было большихъ итальянскихъ собраній по археологіи; наконецъ съ грустью замѣтилъ, что прибыльныя, доставляющія хлѣбъ науки — юриспруденція, богословіе, медицина,—съ каждымъ днемъ брали перевѣсъ.

Сверхъ обязанностей по званію члена академическаго сената, который тогда пользовался еще значительною, нестѣсненною правительствомъ властью, я носилъ званіе оратора университета, и поэтому на мнѣ лежало составленіе торжественныхъ рѣчей,

приглашеній и записокъ объ умершихъ товарищахъ. Положеніе мое было обезпечено. По съ ноября 1806 г., со времени занятія французами гессенской земли, съ низверженіемъ прежняго государственнаго устройства, мои политическіе взгляды и стремленія совершенно измѣнились; измѣнился въ слѣдствіе того и ходъ ученыхъ занятій. Чувства національности и патріотизма всегда во мнѣ преобладали; но сначала, въ порывѣ юношескихъ увлеченій къ политическимъ реформамъ, я смотрѣлъ на новыя, неоспоримо хорошія учрежденія королевства вестфальскаго, какъ на переходныя фазы къ возрожденію единаго великаго отечества; скоро за-тѣмъ насталъ періодъ разочарованій. Эта внутренняя перемѣна отразилась на моихъ сочиненіяхъ. Въ публичныхъ (непечатныхъ) рѣчахъ я, по примѣру Гейне, тщательно обходилъ случаи нѣть панегирики узурпатору и, напротивъ, рисовалъ идеалы любви къ отечеству, выводилъ на сцену одушевляющіе образцы грековъ и римлянъ. Меня не пугали ни упреки товарищей въ мечтательности, въ утопическихъ стремленіяхъ къ Платоновой республикѣ, ни опасныя обстоятельства, ни тонкіе намеки, которые по-временамъ дѣлалъ мнѣ министръ внутреннихъ дѣлъ Симеонъ. Для офиціальныхъ программъ по филологіи и исторіи я выбиралъ такіе предметы, которые врѣзывались въ публичную жизнь и новыя учрежденія королевства вестфальскаго.

Такъ, въ одной статьѣ de generibus eloquentiae—о различныхъ родахъ краснорѣчія—я показалъ вліяніе ихъ на развитіе народной жизни; въ публичности и устности суда присяжныхъ, введеннаго французами, я видѣлъ древне-германскій институтъ и старался устранить неосновательныя опасенія, что духъ партій можетъ и въ Германіи испортить это прекрасное учрежденіе и довести до крайностей, какія были у французовъ. При уничтоженіи цеховъ и гильдій въ королевствѣ вестфальскомъ, обнаружился большой пробѣлъ въ средствахъ къ образованію народа для промысловъ и высшихъ ремеслъ. Я тогда-же представилъ, въ статьѣ de institutione publica (1808), цѣлую лѣстницу такъ называемыхъ реальныхъ школъ, въ родѣ новѣйшихъ политехническихъ, — обнимавшихъ все, отъ простыхъ ремеслъ до изящныхъ искусствъ.

Не помню, въ какой связи развивалась тогда моя неугомонная, пламенная дѣятельность, какъ писателя и публициста, излившаяся въ многочисленныхъ и разнобразныхъ статьяхъ. Онѣ относились къ области археологіи, литературы, искусства, политики и этнографіи и частію остались въ рукописяхъ, частію были напечатаны въ тогдашнихъ журналахъ Котты, Куна, Беттигера, Бартуха и Архенгольца. Я не избралъ себѣ литературнаго предмета, который поглощалъ бы все мое вниманіе, какъ совѣтовалъ мнѣ Гейне,—и постоянно бросался отъ

изученія древнихъ въ новый міръ, въ своемъ броженіи способный (такъ казалось мнѣ) ко всѣмъ возможнымъ реформамъ. Передо мною носился идеалъ націи, которая развивается гармонически въ искусствѣ, литературѣ и политикѣ, развивается изъ себя самой, не заимствуя ничего у чужестранцевъ. Шумъ оружія и безпокойныя квартировки войскъ отвлекали меня; текущія событія слишкомъ волновали душу, требованія и заказы литературныхъ друзей вызывали къ спѣшной работѣ; поэтому мнѣ удалось высказать свои реформаторскія идеи только отрывочно, въ небольшихъ очеркахъ[1].

[1] Главнымъ предметомъ моихъ занятій были древности, филологія, литература и искусство. Изученію древнихъ предавался я изъ любви къ ихъ публичнымъ учрежденіямъ, ихъ гражданскому величію и духу политическаго единства. Я твердо вѣрилъ, что историческія произведенія и образцы публичнаго краснорѣчія древнихъ могутъ имѣть огромное вліяніе на патріотическія чувства юношей и общественное развитіе цѣлаго народа, если только найдутся мыслящіе, умные, съ душою и сердцемъ, истолкователи древнихъ. Часто приходило мнѣ на память мнѣніе одного умнаго и практическаго человѣка, — бывшаго министра, генерала фонъ Шлиффена — что если обскурантамъ когда-нибудь удастся изгнать греческихъ и римскихъ классиковъ, то наше общество падетъ глубоко. Разумѣется, много правды въ томъ, что занятія одною оболочкою, мертвыми формами языка, изсушаютъ умъ и сердце молодыхъ людей. Но еще больше опасности было, по моему мнѣнію, въ меркантильномъ направленіи нашего вѣка, большею опасностью грозили положительные и матеріальные интересы, которые сильно овла-

Возвращаюсь къ своей общественной жизни. Въ Марбургѣ, до нашествія французовъ, профессоры, студенты и всѣ образованные жители города соединялись въ одинъ кружокъ; лѣтомъ вмѣстѣ предпринимали прогулки за городъ, на горы; зимою составляли литературныя общества и домашній театръ въ пользу бѣдныхъ. Существовалъ кромѣ того Шекспировскій литературный клубъ. Онъ состоялъ изъ однихъ холостяковъ, и скоро принялъ политическое направленіе. Съ жаромъ, съ запальчивостью, мы по цѣлымъ недѣлямъ вели споры о цѣляхъ государства, о лучшей формѣ правленія.

Скоро жизнь наша измѣнилась. Послѣ сраженія при Іенѣ, французы и голландцы окружили столицу Гессенъ-Касселя съ двухъ сторонъ, и въ ночь на 1-е ноября 1806 г. состоялось объявленіе Наполеона объ изгнаніи курфистра изъ его владѣній. Въ виду грозныхъ силъ непріятеля думать о сопротивленіи было невозможно. Курфистръ распустилъ свое войско и удалился: въ тихомъ уединеніи про-

---

дѣвали умами и вытѣснили ничѣмъ незамѣнимое по формѣ и содержанію античное образованіе. Географія, этнографія и политическія науки также входили въ кругъ моихъ занятій. Я продолжалъ свои арабскія и кавказскія изслѣдованія и хотѣлъ дать этнографіи особое мѣсто на ряду съ географіею и статистикою, разумѣя подъ этнографіею послѣдовательное и самостоятельное описаніе народовъ всего земнаго шара по языку, нравамъ, обычаямъ, промышленности, культурѣ и государственному устройству.

ждалъ онъ, пока политическій горизонтъ не прояснился и баловень счастія не сошелъ съ своей блестящей арены.

Гессенскій народъ подчинился не съ такимъ терпѣніемъ, какъ ожидали французы. Уже въ концу 1806 г. началось опасное движеніе въ окрестностяхъ Марбурга, Шмалькальдена и др. мѣстахъ; распущенные старые солдаты волею-неволею были выбраны въ начальники возстанія. Французы прибѣгали то къ угрозамъ, то къ снисхожденію; но въ народѣ крылось страшное раздраженіе; только благоразумное поведеніе генералъ-губернатора Лагранжа, обѣщаніе освободить отъ службы во французскихъ войскахъ и посредничество оставшихся въ Касселѣ гессенскихъ министровъ, Баумбаха и Вайца, положили конецъ волненію.

Не берусь описать, какія разнообразныя чувства, толки, впечатлѣнія возбудило у всѣхъ мыслящихъ людей сравненіе настоящаго съ прошедшимъ, послѣ того какъ прежнее общественное устройство внезапно пало и начались поразительно-быстрыя преобразованія въ провинціяхъ Гессена, присоединенныхъ къ королевству вестфальскому. Огромные недостатки нѣмецкихъ княжествъ, злоупотребленія дворовъ и постояннаго войска, духъ касты въ наслѣдственномъ дворянствѣ, застынувшіе въ неподвижной формѣ земскіе чины, безчисленныя тягости феодализма, падавшія на землю, вредъ монополій

и привилегій, жалкое состояніе городскихъ ремеслъ и промышленности,—все слишкомъ мало удовлетворяло неотразимымъ требованіямъ націи и вѣка, все громко убѣждало въ необходимости радикальныхъ реформъ въ цѣломъ составѣ общества. Реформы эти высказались въ первыхъ учрежденіяхъ новаго королевства, такъ что самые вѣрные приверженцы гессенскаго дома не могли не признать неоспоримаго превосходства французовъ въ дѣлѣ устроенія государства и войска. Они учредили государственный совѣтъ изъ отборныхъ, даровитѣйшихъ практиковъ сѣверной Германіи; принесли съ собою уваженіе къ представителямъ высшей власти, науки и искусства, которое не нарушалось даже среди военныхъ тревогъ. Съ ними явилось равенство гражданъ передъ закономъ, независимое публичное судопроизводство; введены мировые судьи и нотаріусы,— по превосходной инструкціи министра Симеона,— открыто поприще для неизвѣстнаго дотолѣ судебнаго и парламентскаго краснорѣчія, уничтожены монополіи и привилегіи. Эти улучшенія и новыя учрежденія, извѣстныя нѣмцамъ только въ теоріи, не могли не привлечь на свою сторону общественнаго мнѣнія и государственныхъ людей, которые несовсѣмъ погрязли въ рутинѣ и привычкахъ лѣниваго покоя, или не были ослѣплены сословными предразсудками. Что же касается столицы, то въ этомъ блестящемъ центрѣ новаго королевства чи-

новники, ремесленники и мануфактуристы нашли давно желанное удовлетвореніе своимъ матеріальнымъ стремленіямъ: одни получили лучшее жалованье, другіе работу. Но понемногу разсѣялось очарованіе. Къ унизительному чувству потери самостоятельности, къ зависимости отъ чуждаго тирана, угрожающаго свободѣ Европы, присоединилась деморализація, разъѣдавшая общество, какъ гангрена. Тягость военныхъ налоговъ и постоевъ, служба въ чужестранномъ войскѣ для поддержанія французскаго владычества, безразсудная трата государственныхъ доходовъ и доменъ и истощеніе казны не были единственными причинами, которыя наполняли душу патріотовъ мрачными опасеніями за будущее. Деспотизмъ, тайные доносы туземныхъ и иностранныхъ шпіоновъ, навербованныхъ въ службу полиціи, безстыдный развратъ двора, подъ управленіемъ легкомысленнаго и расточительнаго узурпатора, несвязаннаго съ народомъ ничѣмъ общимъ, проституція женщинъ, глубоко укоренившаяся нравственная порча французской націи, подрывали нѣмецкую честность и нравственное чувство, еще довольно сильное и живое въ людяхъ средняго класса и въ земледѣльцахъ. Самое сліяніе нѣмецкаго и французскаго образованія, языка и литературы, о которомъ твердили умные французы, вело неминуемо къ потерѣ національной са-

мостоятельности и къ постепенному разложенію германскаго духа.

Неудавшееся возстаніе Дернберга и другое въ Марбургѣ принадлежатъ къ этому времени. Патріоты заплатили жизнію за смѣлую попытку. Но несмотря на то, стараго курфистра не забывали; самъ отецъ мой, при всемъ своемъ страдательномъ повиновеніи установленнымъ властямъ, не боялся ежегодно посылать курфистру поздравленія въ Прагу, въ ночь подъ Рождество.

Военные постои, особенно падавшіе на городъ Марбургъ и нарушавшіе наши привилегіи, я переносилъ съ стоическимъ хладнокровіемъ. Иногда примиряла меня съ этою невзгодой прелесть бесѣды съ прекрасно образованными офицерами, объѣздившими самыя отдаленныя страны свѣта. Съ любопытствомъ слушалъ я разсказы о ихъ подвигахъ на сушѣ и на морѣ и въ-замѣнъ угощалъ ихъ пикантными анекдотами о Вольтерѣ, Руссо, Пиронѣ и другихъ кориѳеяхъ французскаго Парнасса. Первымъ моимъ знакомымъ изъ французовъ былъ Декуанюръ, изъ Реймса; онъ носилъ въ ранцѣ флейту и пасквиль на архіепископа реймскаго.— Съ улыбкой вспоминаю я о невинной хитрости, которою удалось мнѣ провести одного изъ этихъ докучливыхъ гостей, столько-же любившаго знанія, сколько и угощенія. Онъ обѣдалъ со мною и опять пришелъ вечеромъ, съ явнымъ намѣреніемъ по-

кушать. Но въ одно мгновеніе ока бойкій слуга, по моему знаку, унесъ со стола холодныя, нетронутыя кушанья, а я завязалъ съ разочарованнымъ французомъ такой живой и длинный разговоръ, что *бѣдный рыцарь мой*, потерявъ терпѣніе, *ушелъ безъ ужина домой*.

Титулъ homme de lettres, которымъ украшали меня французскіе офицеры, сталъ мнѣ наконецъ въ тягость. Такъ, однажды я пришелъ въ крайнее затрудненіе, когда обычный мой посѣтитель, бывшій адъютантъ генерала Рошамбо, привелъ ко мнѣ на длинный soirée всѣхъ своихъ знакомыхъ.

Понятія французовъ, даже хорошо образованныхъ, объ устройствѣ нѣмецкихъ университетовъ и обязанностяхъ профессоровъ были очень невѣрны. Французы представляли себѣ наши университеты чѣмъ-то въ родѣ своихъ коллегій и семинарій и воображали, что студенты подчинены особенному надзору профессоровъ. Когда, въ 1807 году, три марбургскіе студента, родомъ изъ Литвы, оказали пособіе нѣсколькимъ землякамъ уйдти изъ плѣна, то комендантъ Марбурга, генералъ Лесюиръ, выслужившійся изъ унтеръ-офицеровъ, потребовалъ къ себѣ весь совѣтъ университета и объявивъ, что на насъ будетъ лежать полная отвѣтственность за всякій эксцессъ студентовъ, заключилъ угрозою: «одно мое слово Наполеону, и университетъ будетъ закрытъ!». Находились однако безстрашные люди, которые у-

мѣли во-время положить границы нахальству чужестранцевъ и не боялись отстаивать университетъ. Кромѣ профессора *Вурцера*, который въ свою тревожную жизнь на Рейнѣ отлично изучилъ французскую націю и ея языкъ, упомяну здѣсь о профессорѣ математики *Гаутѣ*. По порученію городскихъ властей, онъ сдѣлалъ генералу Лесюиру такія сильныя представленія объ опасности пороховаго магазина, устроеннаго слишкомъ близко отъ города, что генералъ сначала грозилъ препроводить ходатая въ Майнцъ, но потомъ уступилъ. *Робертъ*, вице-канцлеръ университета, педантъ въ юриспруденціи, но образецъ достоинства по характеру, былъ на-столько патріотъ, что отказался отъ мѣста въ государственномъ совѣтѣ (иначе думали Лейстъ и Мартенсъ) и отличился неподкупною честностью при обсужденіи вестфальской конституціи въ Парижѣ [1]. *Мюншеръ*, превосходный историкъ церкви и дѣльный практикъ, которому въ дѣлахъ съ французами не доставало только знанія ихъ разговорнаго языка, *Вейсъ*, учитель и другъ Савиньи, и нѣкоторые другіе пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Пріятно было видѣть въ своемъ кругу такія лица, когда и между высшимъ дворянствомъ попадались экземпляры, удивлявшіе самихъ чужестранцевъ своимъ добровольнымъ раболѣпствомъ и холопствомъ.

[1] Въ качествѣ члена и секретаря имперской депутаціи.

Съ заморскимъ юнымъ королемъ мнѣ удалось говорить два раза: первый разъ вскорѣ послѣ прибытія его изъ Франціи, когда онъ, съ своею тощею фигурою, явился на вечерней аудіенціи, данной университету, въ сюртукѣ, съ складною шляпою подъ мышкою, и предложилъ каждому изъ насъ множество вопросовъ, не дожидая отвѣтовъ; въ другой разъ, въ 1810 г., когда онъ, повторяя каждому профессору одинъ и тотъ-же вопросъ: Qu'enseignez-vous, Mr? дошелъ до меня и остановился, узнавъ, что я намѣренъ переѣхать въ Россію. Наполеонъ съ большимъ умѣньемъ выбралъ ему въ совѣтники Симеона, Беньо и Жоливе. Никто не станетъ отвергать, что эти люди распорядительностью и энергіею въ администраціи далеко превосходили нашихъ государственныхъ мужей и практиковъ, пропитанныхъ римскою юриспруденціею, но мало способныхъ къ дѣлу.

Я вошелъ въ сношенія съ этими администраторами по случаю ежегоднаго празднованія тезоименитства короля, программу котораго, по званію оратора, мнѣ нужно было каждый разъ посылать министру внутреннихъ дѣлъ. Симеонъ смотрѣлъ сквозь пальцы на то, что ни въ моихъ программахъ, ни въ публичныхъ рѣчахъ не было панегирика; однажды только, когда къ программѣ 1808 г. приложилъ я свое описаніе кавказскихъ народовъ, Симеонъ ловко намекнулъ: сколько богатыхъ мате-

ріаловъ представляетъ подобный предметъ для прославленія дня рожденія короля, предназначеннаго къ устроенію новыхъ государствъ.

Дѣло о старшемъ моемъ братѣ, замѣшанномъ въ возстаніи, привело меня къ умному оратору Беньо. Министръ жилъ въ Беллвью, прежнемъ дворцѣ курфирста, и вступилъ со мною въ длинный разговоръ. Видно было, какъ много надѣялся онъ отъ сліянія французскаго и германскаго духа, литературы и учрежденій, забывая, что на другомъ концѣ Германіи Фихте въ своихъ рѣчахъ называлъ это сліяніе могилою національности и самостоятельности германской. Беньо открыто высказывалъ свое намѣреніе дѣйствовать въ пользу этого новаго порядка вещей и наибольшаго распространенія французскаго языка между учеными Германіи, которымъ, по его мнѣнію, оставалось только переложить на французскую методу матеріалы нѣмецкой учености, богатые, но безпорядочные и лишенные всякаго практическаго примѣненія. Онъ не упустилъ также случая намекнуть на идеальный и быстро испаряющійся энтузіазмъ нѣмецкихъ ученыхъ къ молодымъ героямъ своей философіи и литературы. Когда на другой годъ Беньо явился въ Марбургъ для пріема короля и въ своей рѣчи обратился съ подобными-же разсужденіями къ членамъ университета, я воспользовался этимъ случаемъ и обратилъ его вниманіе на свободный, само-

стоятельный и оригинальный ходъ развитія нѣмецкой литературы, которая не знала надъ собою опеки никакой центральной королевской академіи. Отвѣтъ на это Беньо высказалъ въ письмѣ ко мнѣ, замѣчательномъ какъ по бѣглому обзору препятствій, съ которыми должна была бороться прежняя наша литература, такъ и по отчаянному и наивному сознанію въ невѣдѣніи нѣмецкаго языка.

Съ *Іоганномъ Мюллеромъ* я видѣлся въ первый разъ въ 1808 г., въ то время, когда онъ былъ еще государственнымъ секретаремъ и министромъ и когда всѣ думали, что на его долю выпадетъ честь быть ментороmъ Наполеонова брата. Всесторонность генія и учености, слава историческихъ произведеній, врожденная, стоявшія выше всякихъ мелкихъ интригъ, либеральность и гуманность, доставили Мюллеру благоговѣйное уваженіе нѣмецкихъ ученыхъ. Изъ французовъ очень немногіе умѣли понять всѣ достоинства этого великаго человѣка, созданнаго быть посредникомъ между нѣмецкою и французскою литературою; впрочемъ, они обращались къ неистощимой его памяти, словно къ оракулу, во всѣхъ затруднительныхъ вопросахъ объ отношеніяхъ Германіи. Скоро, однакожъ, открылись многочисленныя затрудненія, уничтожавшія вліяніе Мюллера не только во время его министерства, но и послѣ, когда онъ занялъ болѣе скромную должность генералъ-директора просвѣщенія. Съ необыкновенной живостью и

мягкостью онъ соединялъ готовность оказать услугу всякому и дѣтскую довѣрчивость, которую недостойные люди часто употребляли во зло; безпрерывное нарушеніе обычныхъ занятій приводило его въ дурное расположеніе духа; лучшіе планы его намѣренно уничтожались (между прочимъ учрежденіе академіи изящныхъ искусствъ); наконецъ даже многосторонность взгляда, изумлявшая всѣхъ, мѣшала ему остановиться на одномъ практическомъ и рѣшительномъ планѣ публичнаго воспитанія; да и послѣднихъ годовъ его жизни мало было для такой работы. Когда исчезло первое обаяніе великой личности Наполеона и рушились построенныя на ней космополитическія надежды, тогда Мюллеръ дошелъ до горькаго убѣжденія, что пора великихъ реформъ, которой онъ такъ нетерпѣливо ждалъ, еще далеко не настала для Европы. Онъ видѣлъ возрастающій деспотизмъ и внутреннія безпорядки королевства вестфальскаго и предугадывалъ близкое его паденіе. Послѣднимъ его желаніемъ было сохранить ввѣренныя ему ученыя учрежденія, чтобы при распаденіи королевства первоначальныя провинціи не лишились средствъ поддерживать самостоятельно свои разсадники науки. Французскіе финансовые чиновники считали пять университетовъ [1] на государство съ двумя милліонами жителей безполезною рос-

[1] Геттингенъ, Галль, Марбургъ, Гельмштедтъ и Риптельнъ.

копью; Мюллеръ крѣпко отстаивалъ эти убѣжища нѣмецкой учености. Уменьшеніе ихъ произошло уже послѣ его смерти (29 мая 1809). Впрочемъ, онъ дожилъ до начала австрійской войны, которой такъ желали всѣ патріоты-нѣмцы, и на смертномъ одрѣ выслушалъ съ кроткою улыбкою вѣсть о битвѣ при Аспернѣ.

Получивъ приглашеніе въ Россію, я тотчасъ-же обратился за совѣтомъ къ Мюллеру. Предвидя уничтоженіе двухъ университетовъ, онъ одобрилъ мое намѣреніе уѣхать. Отъ Гейне узналъ я потомъ въ первый разъ, что Жеромъ Наполеонъ, бывши въ Геттингенѣ, выронилъ нѣсколько словъ объ уменьшеніи числа университетовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Вольфратъ, котораго я откровенно спросилъ объ этомъ, хотѣлъ грубымъ возраженіемъ прикрыть нескромность своего повелителя; но еще и при его преемникѣ, Лейстѣ, Дамокловъ мечъ висѣлъ надъ Марбургомъ. Страсть французовъ къ проектамъ, контрастъ пышныхъ обѣщаній съ явными признаками истощенія финансовъ, механическое управленіе дѣлами, полный романскій произволъ, идущій въ разрѣзъ съ университетскою свободою, — все приводило насъ въ лихорадочное безпокойство. Правда, старику Гейне, дожившему до восьмидесяти лѣтъ и сохранившему свѣтлую голову и непреклонный духъ, удалось отстоять Геттингенъ, палладіумъ нѣмецкой учености.

Но, зная хорошо мое мрачное настроеніе души, онъ открылъ мнѣ двери Наполеоновской тюрьмы. Въ концѣ 1807 года неожиданно получилъ я отъ него извѣстіе о вызовѣ меня ординарнымъ профессоромъ древней литературы въ харьковскій университетъ, по предложенію графа Разумовскаго. Это было въ цвѣтущую пору благороднаго императора Александра, который начерталъ великій планъ— какъ писалъ мнѣ секретарь университетскаго совѣта въ Харьковѣ — подвинуть свой народъ на высшую степень образованія учрежденіемъ русскихъ университетовъ. Недолго задумывался я надъ рѣшеніемъ. Передо мной открывалась широкая и свободная арена. Жажда дѣятельности манила въ страну, еще незатронутую образованіемъ, гдѣ я, въ цвѣтѣ лѣтъ, вольный, какъ птица, полный здоровья и силъ, могъ бросить нѣсколько сѣмянъ науки. Это желаніе взяло верхъ надъ любовью къ отечеству. Много нужно было мнѣ стоическаго терпѣнія, пока шла медленная переписка между Геттингеномъ, Касселемъ, Петербургомъ и Харьковомъ; наконецъ, около половины 1810 г. пришло утвержденіе императора вмѣстѣ съ оффиціальнымъ приглашеніемъ отъ университета.

III.

Путешествіе отъ Касселя до Харькова въ ноябрѣ и декабрѣ 1810 г. (Брауншвейгъ. Берлинъ и его знаменитости. Дрезденъ. Прага. Лембергъ. Русская граница. Кіевъ. Украинская честность и гостепріимство).

Скрѣпя сердце, оторвался я отъ родныхъ и друзей и выбралъ путь чрезъ сѣверную Германію. Меня привлекали ея столицы, въ которыхъ собралось столько личностей, знаменитыхъ въ области наукъ и искусствъ. То поколѣніе, къ которому я принадлежалъ, сохраняло еще личное уваженіе къ старѣйшимъ, заслуженнымъ представителямъ литературы и учености, уваженіе, которое кичливая, взросшая въ политическихъ тревогахъ, *юная Германія* впослѣдствіи такъ нагло съ себя сбросила.

Чрезъ Геттингенъ, гдѣ Гейне обнялъ меня въ послѣдній разъ, я поспѣшилъ въ Брауншвейгъ. Здѣсь мой зять, Бирнбаумъ, доставилъ мнѣ нѣсколько

пріятныхъ дней въ обществѣ лучшихъ профессоровъ герцогской академіи. Съ тѣхъ поръ прошли десятки лѣтъ, но я еще живо помню всѣхъ: высокую, почтенную фигуру Эшенбурга, извѣстнаго знатока англійской литературы; Кампе, космополитическаго педагога и лингвиста; любезнаго Циммермана, издателя Географическаго Альманаха, который состоялъ въ тайной перепискѣ съ Англіею. Припоминаю также ихъ разсказы о своихъ предшественникахъ: Лессингѣ, Лейзевицѣ, Цахаріэ,—и невольно прихожу къ той мысли, что смерть безсильна поставить непроходимую преграду въ духовномъ мірѣ; что въ этомъ мірѣ, какъ на тверди небесной, блестящія свѣтила то восходятъ, то заходятъ. Изъ Брауншвейга я ѣздилъ осмотрѣть библіотеку въ Вольфенбюттелѣ, замѣчательную драгоцѣнными рукописями, и собраніе картинъ въ Зальцдалѣ (Salzdahl), безсовѣстно ограбленное французами. Глубоко тронулъ меня также видъ уничтоженнаго въ Гельмштедтѣ и обращеннаго въ воспитательный сиротскій домъ университета: здѣсь была колыбель нѣсколькихъ извѣстныхъ ученыхъ (Геберлина, Конринга, Генке); здѣсь-же доживалъ свой вѣкъ послѣдній изъ его представителей, аббатъ Лихтенштейнъ, объяснитель клинообразныхъ надписей Персеполя. Черезъ Потсдамъ въѣхалъ я вечеромъ (22 ноября) въ слабо освѣщенную столицу Пруссіи и счастливо избѣжалъ отъ рукъ дерзкихъ воровъ, ко-

торые только-что обрѣзали поклажу у какой-то дорожной кареты. Вновь учрежденный берлинскій университетъ соединялъ въ себѣ тогда цѣлый рядъ блестящихъ именъ. Меня встрѣтили необыкновенно радушно и дружески, и я не знаю: любовь ли ко всему родному, пробужденная въ Пруссіи недавними горькими опытами сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, или мое намѣреніе вступить въ члены многообѣщавшей могучей русской имперіи доставили мнѣ такой пріемъ? Даже Вольфъ, противникъ Гейне по Гомеру и неблагодарный его ученикъ, не поскупился на похвалы и съ уваженіемъ говорилъ о великихъ заслугахъ старика. Вольфу незадолго передъ тѣмъ предлагали въ Харьковѣ мое мѣсто; обстоятельства удержали его на родинѣ; но, казалось, онъ все еще приходилъ въ восторгъ отъ мысли пожить вблизи Томи, подлѣ Одессы и среди памятниковъ босфорскаго царства отвѣдать вина съ греческихъ острововъ. Съ нимъ я посѣтилъ вечернее засѣданіе Академіи, гдѣ познакомился съ Нибуромъ. Буттманъ читалъ лекцію о клепсидрахъ (водяныхъ часахъ) у древнихъ; но лекція была такъ длинна, что Вольфъ вышелъ изъ себя за это contradictio in adjecto и почти насильно увлекъ меня въ ресторанъ, славившійся пивомъ. Изумительную при тогдашней крайности роскошь замѣтилъ я у заклятыхъ враговъ холодной воды, учениковъ Эскулапа. По рекомендаціи товарища мо-

его по Харькову, Гута, я приглашенъ былъ на пирушку къ его зятю, берлинскому врачу, гдѣ всѣ пили такъ страшно, что Гуфландъ и Геймъ, глядя на насъ, сознались бы, конечно, въ безсиліи своего искусства продлить человѣческую жизнь. Я видѣлъ стараго, почти ослѣпшаго Николаи, извѣстнаго мнѣ больше по саркастическимъ эпиграммамъ (Xenien) Шиллера и Гете, нежели своимъ путешествіемъ по Германіи; астронома Боде, тоже слѣпаго на одинъ глазъ, и крѣпкаго, неутомимаго, сильно занятаго дѣлами по ректорству Фихте, рѣчи котораго къ нѣмецкому народу не были голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Историкъ и журналистъ Архенгольцъ недавно возвратился изъ Гамбурга и принималъ меня въ гостинницѣ. Страдая отъ подагры и лежа на софѣ, на рукахъ дочери, онъ обратился ко мнѣ съ фразою: «Какъ часто, другъ мой, думалъ я о васъ!», и въ длинномъ разговорѣ о политикѣ высказалъ, что, по его мнѣнію, нескоро еще настанетъ для Пруссіи день освобожденія. Великаго натуралиста Палласа нашелъ я также въ Берлинѣ. Блестящее его описаніе Таврическаго полуострова не доставило ему другой награды, кромѣ ссылки въ Крымъ, а бракъ съ молодою и красивою женою принесъ много домашняго горя. Въ Берлинъ привлекла его надежда получить наслѣдство послѣ старшаго осьмидесятилѣтняго брата, который, од-

накожъ, пережилъ его. Этотъ почтенный ученый отличался огромными, умными глазами, какъ будто нарочно устроенными для созерцанія природы. Когда я вошелъ къ нему, онъ скромно согрѣвалъ у печки шерстяные чулки; при разговорѣ онъ вспомнилъ о своей дружбѣ съ Потоцкимъ и далъ мнѣ рекомендательное письмо къ нему. Много наслажденія доставили мнѣ двѣ личности: Шлейермахеръ и Иффландъ. Глубокія по мысли и исполненныя чувства проповѣди Шлейермахера, въ духѣ Платона, особенно привлекали образованныхъ дамъ и произвели такъ-же на меня сильное впечатлѣніе. Пламенный патріотъ и драматургъ Иффландъ жилъ въ зданіи театра и, готовясь къ роли графа Савернскаго, встрѣтилъ меня съ нарумяненнымъ лицомъ; но имѣлъ еще время завязать со мною живой разговоръ о политикѣ и высказать свои надежды на будущность Германіи. Онъ владѣлъ огромнымъ сценическимъ талантомъ. Я видѣлъ его нѣсколько разъ и любовался необыкновенно тонкою игрою физіономіи, которая возможна только для человѣка, вполнѣ знакомаго со свѣтомъ. Чрезъ Виттенбергъ, гдѣ мнѣ хотѣлось посѣтить гробницы обоихъ реформаторовъ, Лютера и Меланхтона, проѣхалъ я въ Лейпцигъ. Здѣсь русскій консулъ, Шварцъ, человѣкъ необыкновенно услужливый и практическій, вручилъ мнѣ двѣсти червонцевъ на путевыя издержки, купилъ на дорогу медвѣжью шубу и доставилъ

знакомство съ извѣстнѣйшими нѣмецкими учеными. Назову изъ нихъ несравненнаго психолога Платнера, Бека, Розенмюллера и Германна. Послѣдній отличался особенными военными привычками и обыкновенно всходилъ на филологическую свою каѳедру въ ботфортахъ и шпорахъ.

Около Мейссена и особенно въ Дрезденѣ поразило меня рѣзкое отличіе прусскаго населенія отъ саксонскаго. Первое окрѣпло въ трудахъ, имѣетъ воинственную осанку и ждетъ минуты броситься на борьбу. Саксонецъ кротокъ, вѣжливъ и до крайности наклоненъ къ мирнымъ занятіямъ. Строгій придворный этикетъ саксонскаго королевскаго дома, пышные обряды католической церкви и мягкіе голоса (сопрано) гармонируютъ съ характеромъ народа.

Беттигеръ читалъ въ то время лекціи о Ювеналѣ для избраннаго круга. Мнѣ казалось, что его сладострастныя, доходившія до мелочей, изображенія римской роскоши и разврата выбраны были съ разсчетомъ для легкаго вкуса пресыщенныхъ дипломатовъ, между которыми находился также Бургоэнъ (Bourgoing), біографъ Наполеона.

Съ величіемъ принялъ меня русскій посланникъ, *Ханыковъ*. Замѣчанія этого дипломата и его спутника, сармата чистой крови, показали мнѣ, что они оба не имѣли понятія о тѣхъ немногихъ нѣмецкихъ ученыхъ, которыхъ привлекала въ Россію не страсть набивать свой карманъ и заводить ло-

шадей и кареты, а высшія космополитическія или ученыя стремленія.

Послѣ Дрездена я посѣтилъ Прагу. Курфирстъ припялъ меня со слезами на глазахъ, разспрашивалъ о расположеніи умовъ въ Касселѣ, о мѣстности Харькова и при прощаньи, въ твердой увѣренности на свое возстановленіе, прибавилъ: «Надѣюсь, что вы возвратитесь вслѣдъ за мною не въ числѣ послѣднихъ». Въ томъ-же дворцѣ, гдѣ жилъ курфирстъ, я видѣлъ славянскаго филолога Добровскаго, геніальнаго и добродушнаго ученаго. Какъ извѣстно, онъ подверженъ былъ временному помѣшательству, которое обнаруживалось тѣмъ, что больной раздаривалъ свои дорогія вещи. Во время моего проѣзда припадокъ болѣзни повторился; въ такихъ случаяхъ друзья слѣдили за Добровскимъ, подъ предлогомъ займа отбирали у него наличныя деньги и потомъ возвращали съ величайшею добросовѣстностью. Великія историческія воспоминанія Праги, либеральный духъ тамошнихъ профессоровъ, чуждый всякой примѣси религіознаго фанатизма, произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе, не помраченное даже предстоявшими трудностями дороги. Я не забылъ осмотрѣть библіотеку и музей, въ которомъ хранится, между прочимъ, замѣчательный по древности небесный глобусъ, сдѣланный ландграфомъ Вильгельмомъ Мудрымъ и подаренный Рудольфу II.

Тревожные слухи объ опасности дорогъ усиливались съ каждымъ днемъ; но я бодро пустился въ путь чрезъ Моравію на Галицію и въ Лембергѣ отдохнулъ отъ мученій голода и холода, отъ надуванія евреевъ-корчмарей, отъ непріятностей польскихъ деревенскихъ шинковъ, превосходящихъ всякую мѣру нечистоты. Здѣсь-же нашелъ я радушный пріемъ у нѣкоторыхъ профессоровъ, съ ними посѣтилъ театръ и на сценѣ въ первый разъ услышалъ пріятные звуки польскаго языка, самаго обработаннаго изъ славянскихъ. Городъ наполненъ евреями, которые вообще преобладаютъ въ Галиціи, но сохраняютъ ненарушимо обычаи предковъ и сильно напоминаютъ востокъ своими большими бородами, длиннополыми кафтанами и шубами; они отличаются очень красивою, почтенною наружностью и необыкновенною расторопностью въ качествѣ бородобрѣевъ и слугъ. Мой факторъ, незадолго передъ тѣмъ удостоенный чести брить бороду знаменитаго доктора Франка, проѣхавшаго въ Вильну, принялъ на себя всѣ заботы о приготовленіяхъ къ путешествію, закупилъ нужный запасъ ветчины и рому и проводилъ меня до еврейскаго городка Бродъ. Въ Бродахъ, при посредствѣ и ручательствѣ жидовскаго старосты, нанялъ я за двадцать дукатовъ извощика до Кіева.

Въ день новаго 1811 г. добрались мы до русской границы, занесенной глубокимъ снѣгомъ. Послѣ

короткаго осмотра поклажи, меня очень либерально освободили отъ всѣхъ таможенныхъ пошлинъ. Русскій переводчикъ, воспитанникъ какого-то университета, вручилъ мнѣ паспортъ и пріятно изумилъ вѣжливымъ латинскимъ привѣтствіемъ. Когда, наконецъ, длиннобородые казаки подняли передо мною русскій шлагбаумъ, мнѣ пришло на мысль Дантово: Lasciate ogni speranza, voi ch'intrate....

Холодъ доходилъ до 30 градусовъ. Но я чувствовалъ, что здоровье мое съ каждымъ днемъ укрѣпляется; теплая мѣховая одежда отлично согрѣвала меня; сани съ высокою рѣшеткой, на которыхъ уставленъ былъ мой дорожній экипажъ, охраняли отъ паденія; со мною былъ достаточный запасъ русскихъ мѣдныхъ денегъ и русскіе словари. Грустное впечатлѣніе скоро прошло—и понеслись передо мною неясные образы, легкіе какъ дымъ, поднимавшійся отъ негаснувшей турецкой трубки. Одинъ посреди огромной снѣжной пустыни, я впервые испыталъ полное чувство самостоятельности и воображалъ себя вторымъ Левальяномъ. Живая фантазія переносила меня то въ таврическіе дворцы прежнихъ крымскихъ хановъ, съ гаремами прекрасныхъ грузинокъ и черкешенокъ, то въ аудиторію, наполненную молодыми любознательными казаками. Я также вспомнилъ, что изъ Одессы или Таганрога попутный вѣтеръ въ нѣсколько дней могъ донести меня въ Стамбулъ. Но вотъ, веселыя мечты опять

разсѣялись; дѣйствительность напомнила о себѣ: сначала потерялъ я очень забавную охотничью собаку, вывезенную изъ Лемберга; потомъ принужденъ былъ отослать назадъ своего деньщика и переводчика, совсѣмъ окоченѣвшаго отъ холода. Въ одномъ мѣстѣ незнаніе русскаго языка ставило меня въ затруднительное положеніе; въ другомъ приходилось проводить ночь въ угарной комнатѣ, подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ или среди шумнаго общества танцующихъ жидовъ. Къ довершенію несчастія, мой извощикъ былъ трусливый жидъ; какъ огня, боялся онъ русскихъ мужиковъ и среди дня оставливался на ночлегъ, лишь-бы только завернуть къ знакомому корчмарю, своему единовѣрцу. Такое путешествіе утомило меня до крайности. Въ Бердичевѣ я договорилъ рослаго, сильнаго поляка, котораго одна наружность внушала страхъ; съ неимовѣрною быстротою онъ домчалъ меня до границъ Украйны.

Въ Кіевѣ я осмотрѣлъ печерскій монастырь съ славными пещерами, въ которыхъ покоятся мощи славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія [1], преподобнаго Нестора и другихъ святыхъ. Цѣлая толпа собравшихся тамъ богомольцевъ, изъ которыхъ всякій купилъ восковую свѣчу, сошла вслѣдъ за

[1] Авторъ ошибается. Тѣло св. Кирилла погребено было въ Римѣ, гдѣ онъ умеръ. Меѳодій похороненъ въ Велеградѣ (въ Моравіи). *Переводч.*

монахами въ пещеры и преклонялася предъ святынею. Софійская и михайловская церкви, богатыя византійскими иконами и надписями, также не оставлены мною безъ вниманія. Въ городѣ не было тогда постоянныхъ гостинницъ. Я остановился въ ресторанѣ француза, по имени Баллю, и пострадалъ немало отъ его хищности. На помощь мнѣ пришло дружеское приглашеніе нѣкоего Фурмана, русскаго статскаго совѣтника, который не могъ надивиться, зачѣмъ ѣхалъ я въ Харьковъ, а не въ Парижъ? Фурманъ представилъ меня своему другу, кіевскому вице-губернатору, тоже русскому. Послѣдній, состоя въ чинѣ коллежскаго совѣтника, обязанъ былъ выдержать, по новому положенію, экзаменъ въ университетѣ для полученія статскаго совѣтника. Разсчетъ его былъ тотъ, что ему пришлютъ въ Кіевъ письменные вопросы и не потребуютъ ничего больше, кромѣ письменныхъ отвѣтовъ. Тогда мнѣ не было еще извѣстно замѣчательное постановленіе объ экзаменахъ для полученія чина, которое строго соблюдалось, по вліянію Сперанскаго. Русскіе видѣли въ этомъ большую несправедливость, потому что ихъ дворянскія стремленія къ чинамъ по службѣ сильно задерживались. На самомъ дѣлѣ, экзаменъ нанесъ ударъ чинолюбію; но былъ слабымъ средствомъ къ распространенію знаній и только давалъ профессорамъ возможность наживаться и поднять свое значеніе. Я не могъ дать

вице-губернатору рѣшительнаго отвѣта; но въ Харьковѣ признали невозможнымъ освободить его отъ изустнаго экзамена. Передъ выѣздомъ изъ Кіева, собственный опытъ убѣдилъ меня въ томъ, что въ Россіи очень часто надо прибѣгать къ кулачнымъ доказательствамъ для достиженія яснаго, какъ день, права. Тамъ-же я едва не утонулъ въ незамершей быстринѣ Днѣпра [1]; потомъ страдалъ постоянно отъ притѣсненій почтмейстеровъ и едва не погибъ въ степи, брошенный ямщиками. Вотъ какъ это было. На одной станціи я, передъ выѣздомъ, далъ своимъ ямщикамъ, одноглазому старику и шаловливому парню, щедрый могорычъ. Дѣйствіе его скоро оказалось. Проскакавъ во всю прыть верстъ семь, мои возницы подняли между собою споръ и начали подчивать другъ друга ударами кнута; сначала молодой отпрягъ три лошади и ускакалъ; за нимъ пустился старикъ съ остальными лошадьми. Оставшись одинъ-однешенекъ среди необозримой равнины, между небомъ и землею, я не потерялъ присутствія духа и даже не пересталъ курить. Черезъ нѣсколько времени показалась вдали толпа русскихъ извощиковъ; тотчасъ я началъ звать на помощь къ себѣ и, показавъ кошелекъ съ мѣдными

[1] Дѣло въ томъ, что Роммель вынужденъ былъ употребить кулачныя доказательства противъ неумѣренныхъ требованій ямщика, который изъ мести едва не утопилъ его. *Переводч.*

деньгами, убѣдилъ одного мужика довезти меня до ближайшаго города, Переяславля, гдѣ записалъ жалобу въ почтовую книгу, съ негодованіемъ бросилъ въ сторону казенную подорожную и нанялъ опять извощика,—на этотъ разъ честнаго украинца. Въ Переяславлѣ меня приняли за доктора, такъ-какъ это слово стояло въ паспортѣ. Ко мнѣ явилась цѣлая толпа еврейскихъ женщинъ и дѣтей. Сколько я ни разувѣрялъ хозяина — нужно было взять на себя роль доктора Санградо.

Мой извощикъ отличался длинною рыжею бородою и садился на козлы не иначе, какъ перекрестившись девять разъ; потомъ затягивалъ меланхолическую пѣсню и погонялъ своихъ лошадей пѣжными словами: голубчики! любезные! Въ сумерки мы заблудились въ страшныхъ сугробахъ снѣга; экипажъ нѣсколько разъ опрокидывался; извощикъ съ отчаяніемъ повторялъ: Боже мой! Боже мой! Лошади выбились изъ силъ: надо было переночевать въ открытомъ полѣ. Завернувшись въ шубу и подкрѣпивъ себя необыкновенною дозою рому, я провелъ эту свѣтлую, лунную ночь такъ спокойно, какъ нигдѣ. На другое утро нанялъ я въ ближайшей деревнѣ маленькія сани, отдалъ мужикамъ на сохраненіе за нѣсколько рублей свой плотно упакованный экипажъ (они выполнили условіе честно, не присвоивъ себѣ ни одной бездѣлушки) и отправился въ Румянцовское имѣніе, Ташань, гдѣ жилъ

знакомый мнѣ нѣмецъ изъ Ганновера. У него провелъ я двое сутокъ, какъ на лонѣ Авраама. Чистый степной воздухъ той мѣстности очень полезенъ страждущимъ грудными болѣзнями. Для естествоиспытателей еще замѣчу, что пространство отъ Лубенъ до Хорола особенно богато сусликами (marmota citellus), которыхъ узкій, темножелтый и сѣроватый мѣхъ употребляется на опушку платьевъ и сѣделъ. Это полезное животное имѣетъ весьма опаснаго врага въ большой ночной совѣ, которая по-малороссійски называется пугачъ.

Въ Хоролѣ жилъ одинъ аптекарь-нѣмецъ, Гильдебрантъ, дослужившійся до чина коллежскаго ассессора. Онъ считалъ за честь принимать у себя всѣхъ знатныхъ проѣзжихъ и не поскупился также для меня своимъ гостепріимствомъ. Отсюда добрался я до Полтавы, осмотрѣлъ монументъ на мѣстѣ битвы Карла XII и провелъ день въ плохомъ постояломъ, въ которомъ плутоватая жидовка потребовала дукатъ за костляваго гуся и бутылку наливки. За-то въ Валкахъ, городѣ памятномъ избіеніемъ турокъ, порадовала меня своеобразная черта украинскаго гостепріимства. Вечеромъ расположился я въ совершенно пустомъ, наводящемъ уныніе, постояломъ и, покоряясь неволѣ, улегся на чемоданѣ съ намѣреніемъ заснуть. Въ ту самую минуту входитъ съ громкою фразою: слава Богу! казацкій офицеръ, съ головы до ногъ закутанный въ шу-

бу. Изъ объясненій его на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ узналъ я, что онъ — мирза (татарскій князь) и помѣщикъ; что этотъ дворъ нанимается у него простымъ крестьяниномъ, а самъ онъ живетъ напротивъ, въ другомъ домѣ, и будетъ очень радъ принять гостя въ своей семьѣ, несмотря на постъ. Охотно пошелъ я за нимъ; ласково встрѣтила меня хозяйка; потомъ угощали меня невѣроятнымъ количествомъ блюдъ, приправленныхъ постнымъ масломъ, и малорусскою наливкою. На другой день хозяинъ съ сыномъ, какъ нѣжные друзья, проводили меня верхомъ за нѣсколько верстъ.

IV.

Пріѣздъ въ Харьковъ. Русскіе университеты, особенно харьковскій. Студенты и ихъ направленіе. Первая дѣятельность Роммеля и первыя его впечатлѣнія. Поѣздка въ Славянскъ. Партіи въ университетѣ: русскіе, нѣмцы, французы. Шадъ, Пильгеръ, Швейкартъ и др. Ректоръ Стойковичъ.

Amicus Plato, sed magis amica veritas.

Я прибылъ въ Харьковъ 17 января 1811 г. поздно вечеромъ и, проѣздомъ, увидѣлъ большой освѣщенный домъ. Это былъ университетъ, въ которомъ ректоръ Рижскій, извѣстный авторъ Реторики, собралъ своихъ товарищей съ женами на вечеринку. Стоявшіе на часахъ казаки доложили о моемъ пріѣздѣ. Ректоръ пригласилъ меня, обнялъ и поцѣловалъ, по русскому обычаю; со всѣхъ сторонъ посыпались на меня поздравленія; всѣ удивлялись неожиданно-быстрому окончанію моего путешествія, труднаго и предпринятаго безъ провожатыхъ. Въ тотъ-же вечеръ отправился я къ своему земляку,

3960

профессору Шмерфельду, и поселился у него на-время со всѣми пожитками. Черезъ нѣсколько дней ректоръ отвелъ мнѣ просторное помѣщеніе въ корпусѣ казеннокоштныхъ студентовъ; съ большою щедростью выдали мнѣ жалованье за цѣлый годъ; теперь я могъ запастись необходимою мебелью, парою курляндскихъ коней и отличными санями. Тотчасъ-же я принялъ намѣреніе заняться русскимъ языкомъ и взялъ въ услуженіе русскаго солдата,— изъ университетскихъ служителей, украшеннаго нѣсколькими медалями и знавшаго только свой родной языкъ. Отборная библіотека пришла скоро вслѣдъ за мною; въ нѣсколько дней я устроился очень удобно, могъ принимать визиты товарищей и начать чтеніе лекцій на латинскомъ языкѣ.

Русскіе университеты устроены были въ 1803 г. императоромъ Александромъ по широкому размѣру, пользовались большими преимуществами по уставамъ, поставлены на ряду съ высшими учрежденіями въ имперіи и подчинялись непосредственно министру народнаго просвѣщенія. Въ то время этотъ постъ занималъ изящно образованный графъ Разумовскій. Каждый изъ шести императорскихъ университетовъ — петербургскій, московскій, виленскій, дерптскій, казанскій и харьковскій — имѣлъ значительный кругъ дѣйствія, обнимавшій, подъ именемъ округа, отъ восьми до двѣнадцати губерній и простиравшійся на всѣ высшія и низшія учебныя за-

веденія. Къ харьковскому округу была причислена южная Россія, Украйна съ Крымомъ, такъ-что нашему управленію и надзору подлежало огромное, хотя рѣдко населенное, пространство, объемомъ не уступавшее Германіи. Оно заключало въ себѣ гимназіи въ Орлѣ, Воронежѣ, Курскѣ, Черниговѣ, Полтавѣ, Харьковѣ, Херсонѣ, Екатеринославѣ, Черкаскѣ и Симферополѣ, со всѣми принадлежавшими къ нимъ лицами. Уѣздныя училища этого обширнаго округа тогда едва возникали; причемъ украинскіе помѣщики, финансовые основатели нашего университета, показали много патріотизма. На первый разъ нужно было довольствоваться тѣмъ, что дворянство взяло на себя содержаніе училищныхъ зданій, а священники — первое недалекое преподаваніе. Споръ о подчиненности гимназіи въ Одессѣ, мѣстопребываніи тогдашняго генералъ-губернатора, герцога Ришелье, былъ рѣшенъ въ его пользу [1]. Харьковскій университетъ получилъ въ замѣнъ ея таганрогскую гимназію. Все это было въ какомъ-то хаотическомъ состояніи, напоминавшемъ времена Св. Бонифрида и его учениковъ Штурма и Лулля. Настоящими правителями университета были ординарные профессоры всѣхъ факультетовъ, которые, собираясь одинъ разъ въ недѣлю, составляли совѣтъ подъ предсѣдательствомъ ректора, рѣ-

[1] См. «Матеріалы для исторіи образованія въ Одессѣ» Южн. Сбор. №№ 3 и 4.

шавшій всѣ главные ученые и административные вопросы. Текущія дѣла по администраціи предоставлены были правленію, составленному изъ ректора и декановъ факультетовъ. Отдѣльнымъ учрежденіемъ былъ училищный комитетъ, изъ шести ординарныхъ профессоровъ, по выбору; члены его отряжались для обозрѣнія гимназій и уѣздныхъ училищъ и, на время отсутствія, замѣнялись, при чтеніи лекцій, адъюнктами.

Въ Харьковѣ было тогда только три факультета: *этико-политическій*, обнимавшій и юриспруденцію, *медицинско-химическій* и *словесный*, въ Германіи называемый *философскимъ*. Къ послѣднему принадлежали преподаватели не только филологическихъ и историческихъ, но такъ-же математическихъ и физическихъ наукъ. Учрежденіе особаго богословскаго факультета не состоялось, какъ извѣстно, по несогласію высшаго духовенства, которому хотѣлось удержать семинаріи въ своей зависимости.

Студенты, къ которымъ причислялись дворяне изъ окрестностей, уже немолодые и поступившіе съ тѣмъ, чтобъ выдержать особенный экзаменъ для повышенія въ чинахъ, были подчинены нелѣпой, почти военной дисциплинѣ, особенно такъ называемые казеннокоштные студенты, состоявшіе подъ надзоромъ профессора изъ русскихъ. Всѣ лекціи слушались безплатно. Жалованье ординарнаго про-

фессора было 2.000 руб. асс. Хотя уже въ мое время курсъ бумажнаго рубля, сравнительно съ металлическимъ, значительно упалъ, къ нашему ущербу; но профессоры имѣли особенные источники доходовъ: прибавку жалованья по должности декановъ и секретарей и плату за отдѣльное чтеніе лекцій добровольнымъ слушателямъ (privatissima). Между студентами, молодые и красивые донскіе казаки отличались расторопностью и скромностью, иногда даже поэтическими талантами. Но почти вся молодежь смотрѣла на занятія, какъ на ступень къ высшимъ чинамъ по службѣ; потому что всякій студентъ, счастливо выдержавшій экзаменъ на кандидата, пользовался правами на 12-й классъ, а магистры и доктора на 9-й и 8-й; эти классы прокладывали дорогу къ высшимъ офицерскимъ мѣстамъ, особенно въ военное время. Ординарные профессоры, кромѣ обыкновенныхъ дворянскихъ преимуществъ, считались въ 7 классѣ, т. е. въ чинѣ надворныхъ совѣтниковъ, или подполковниковъ и по правилу получали повышеніе черезъ пять лѣтъ. Можно составить себѣ понятіе о зависти и недоброжелательствѣ, съ какими чинолюбивое и нетерпѣвшее ученья туземное дворянство преслѣдовало профессоровъ, особенно иностранныхъ, на перекоръ благимъ намѣреніямъ правительства. Эти непріязненныя чувства закоснѣлыхъ русскихъ, не умѣвшихъ отличить тѣхъ искателей приключеній и

неучей, которые наплывали во времена Екатерины и величались самозваннымъ титуломъ профессоровъ, отъ новыхъ профессоровъ, вызванныхъ изъ заграничныхъ университетовъ, подбавили пищи ко всеобщей ненависти противъ иностранцевъ, дошедшей до опаснаго раздраженія при нападеніи французовъ.

Для приготовленія учителей гимназій учрежденъ былъ при университетѣ педагогическій институтъ, управленіе которымъ предоставлено было мнѣ тотчасъ по пріѣздѣ. Не зная еще русскаго языка на столько, чтобъ имѣть практическое вліяніе на будущихъ кандидатовъ въ учители, я ограничился письменною обработкою дидактики и методики, которая впослѣдствіи была переведена по-русски и заслужила одобреніе министра Разумовскаго. Тогда же бросилось мнѣ въ глаза, что въ гимназическомъ курсѣ преподаванія греческіе и римскіе классики занимали незначительное мѣсто, а реальнымъ наукамъ: математикѣ, физикѣ, технологіи и даже политической экономіи дано было слишкомъ много простора. Я сообщилъ свои замѣчанія графу Разумовскому. Графъ въ своемъ отвѣтѣ такъ объяснилъ мнѣ идею, которой держалось правительство при введеніи настоящаго плана преподаванія: гимназіи предназначались для дѣтей всѣхъ сословій (дворянъ, купцовъ, ремесленниковъ и пр.); но далеко не всѣ поступали въ университетъ; многіе

оканчивали ученіе въ гимназіяхъ, или по своему званію не имѣли надобности въ обширномъ, спеціальномъ образованіи и въ гимназіяхъ могли пріобрѣсть о политическихъ наукахъ, коммерціи и технологіи основныя понятія, пригодныя для всякаго состоянія.

Вообще вездѣ высказывалось преобладающее стремленіе русскихъ къ практическимъ наукамъ, въ особенности къ математикѣ, въ которой они оказывали изумительные успѣхи. За-то пониманіе высшей философіи и филологіи было почти недоступно имъ. Такъ впослѣдствіи, при переводѣ однимъ студентомъ на русскій моего введенія въ дидактику, въ которомъ встрѣчались отвлеченныя понятія: умъ, разумъ, остроуміе и другія душевныя качества, я замѣтилъ, что они сами не понимали тонкихъ отличій своего органическаго, отмѣченнаго печатью древности, языка, или же открывали эти отличія только чрезъ сравненіе съ соотвѣтствующими корнями нѣмецкихъ словъ.

Всѣ иностранные профессоры, за исключеніемъ французовъ, читали на латинскомъ языкѣ, и мнѣ пришлось очень кстати, что каждый студентъ обязанъ былъ знать достаточно этотъ языкъ. Но на лекціяхъ о греческихъ и латинскихъ классикахъ, которыя посѣщались въ довольно большомъ числѣ, сравнительно съ другими, я на первыхъ же порахъ поставленъ былъ въ большое затрудненіе: не

оказалось классиковъ въ достаточномъ числѣ печатныхъ экземпляровъ. Диктовать оригиналы было бы слишкомъ тяжело; помочь же этому недостатку, при жалкомъ состояніи русской книжной торговли, возможно было только немедленнымъ изданіемъ необходимѣйшихъ авторовъ. Университетская типографія принялась печатать ихъ подъ моимъ руководствомъ не смотря на недостатокъ хорошей печатной бумаги. Изготовленныя мною и дополненныя объяснительными примѣчаніями изданія рѣчей и философскихъ сочиненій Цицерона, Саллюстія и Корнелія Непота тотчасъ-же приняты были для гимназій; изъ болѣе трудныхъ авторовъ я принужденъ былъ, по временамъ, диктовать слушателямъ отдѣльные отрывки. Мало по малу я устроилъ также филологическій семинарій, въ которомъ преподавались основанія высшей грамматики, критики, герменевтики и археологіи. Смѣю думать, что эти сѣмена классической древности брошены на почву, не совсѣмъ безплодную; потому что и теперь еще я помню порядочное число русскихъ (между прочими: *Адамовича, Гевлича, Каллашинскаго, Громова* и впослѣдствіи *Кеппена*), которымъ филологія открыла путь къ дальнѣйшему непрерывному образованію.

На меня возложено было также произнесеніе рѣчей при торжественныхъ случаяхъ, какъ на пр.: въ день тезоименитства Государя. Въ одной изъ нихъ,

сказанной въ 1812 году, представлена была въ широкихъ очеркахъ исторія ученыхъ заведеній и академій древняго и новаго міра. Она поправилась русскимъ, которые, не зная мелкихъ историческихъ подробностей, естественно любятъ колоссальныя туманныя картины. Изъ университетскихъ торжественныхъ церемоній я помню только похороны ректора Рижскаго. На этотъ разъ мы, иновѣрцы, присоединились къ русскому духовенству, въ то время вообще отличавшемуся большою терпимостью. Въ соборѣ, гдѣ стоялъ гробъ усопшаго, и архіерей съ 12 священниками служилъ панихиду, выступили передъ набожнымъ народомъ три университетскіе оратора. Я говорилъ по-латыни, два другіе по-русски и по-французски. Меня восхищали чудные голоса украинскаго хора пѣвчихъ и сильный густой басъ протодьякона, сорокъ разъ повторявшаго: «Господи помилуй!». Протестанты, по примѣру другихъ, цѣловали распятіе. Кстати прибавить, что наша небольшая протестантская община,—къ которой скоро присоединился бѣжавшій изъ католическаго монастыря профессоръ Шадъ, въ монашествѣ патеръ Романъ,—не имѣла своего пастора. По временамъ являлся изъ Полтавы евангелическій проповѣдникъ (въ то время *Лиммеръ*, противникъ извѣстнаго Фесслера въ Саратовѣ) и совершалъ необходимыя требы, какъ то: крещеніе, обрученіе и пр. Для проповѣдей отводилась ему

обыкновенно моя аудиторія. Впослѣдствіи, въ Харьковъ назначенъ былъ особый пасторъ.

Но буду продолжать разсказъ объ университетскихъ дѣлахъ. Деканъ въ филологическомъ факультетѣ смѣнялся ежегодно, и жалованье, соединенное съ этою должностью (300 руб.), было яблокомъ раздора для моихъ товарищей. Одинъ разъ выборъ палъ на меня. Декану принадлежали такъ же надзоръ и ревизія нумизматическаго кабинета. Я взялся за это дѣло съ обыкновенною своею ревностью и, указавъ на недостатокъ каталога, навлекъ на себя непримиримую ненависть завѣдывавшаго минцъ-кабинетомъ француза; новый ректоръ, сербъ, потакалъ ему; русскіе, съ канцлеромъ университета (assesor perpetuus) во главѣ, приняли мою сторону. Съ того времени осталась за мною репутація иностранца, соблюдавшаго, по выраженію русскихъ, интересъ казны, тогда какъ другіе обкрадывали ее съ безстыдствомъ. Нѣсколько времени былъ я также казначеемъ. Синія, красныя и бѣлыя бумажныя деньги хранились въ глубокомъ подвалѣ, въ желѣзныхъ сундукахъ, вынимались казначеемъ, обыкновенно выбираемымъ изъ нѣмцевъ, въ присутствіи нѣсколькихъ казаковъ, и раздавались ежемѣсячно. По немногу расширялся кругъ моей дѣятельности. Въ качествѣ члена училищнаго комитета меня отрядили для обзора гимназій, при чемъ я открылъ два главные недостатка: нрав-

ственную порчу учениковъ, которые были въ постоянномъ заговорѣ противъ учителей, и чрезмѣрное самоуправство директоровъ гимназій, большею частью выслужившихся и полуграмотныхъ офицеровъ изъ гражданской, военной и даже морской службы. Они позволяли себѣ перемѣщать, по произволу, учителей, особенно иностранцевъ, жаловали своихъ любимцевъ и устраняли тѣхъ, кто былъ имъ не по сердцу. Въ это число попалъ однажды нѣкто *Кнейперъ*, родомъ изъ Вальдека, котораго съ женою и дѣтьми хотѣли перемѣстить изъ Нѣжина въ Крымъ. Я всегда возставалъ противъ такихъ несправедливостей.

Скоро послѣ пріѣзда въ Харьковъ дано было мнѣ порученіе изъ Петербурга поднять и разобрать открытый близъ Славянска, на Донцѣ, большой камень съ неизвѣстными письменами. Спутниками моими были: профессоръ Шмерфельдъ, въ качествѣ живописца, университетскій писецъ и унтеръ-офицеръ. Мы пріѣхали поздно вечеромъ на утесистый берегъ Донца, къ Святогорскому монастырю, построенному на мѣловой горѣ. Была сильная гроза. Монахи встрѣтили насъ недовѣрчиво и отказали въ пріютѣ, не смотря на громъ и молнію; намъ пришлось провести ночь въ жалкомъ шинкѣ. По прибытіи въ Славянскъ, учителя встрѣтили меня съ почетомъ; я немедленно приступилъ къ испол-

нію порученія; но къ величайшему моему стыду скоро убѣдился, что грубые знаки таинственной надписи мнѣ недоступны. Оставалось снять факсимиле и послать въ Петербургъ [1].

Это небольшое путешествіе по службѣ дало мнѣ понятіе о томъ, какъ дѣлался у насъ разсчетъ кормовыхъ денегъ. Постоялыхъ дворовъ по дорогамъ не существовало; ихъ замѣняло украинское гостепріимство; издержекъ на пищу почти не было; за то всякая починка повозки, или саней, требовала много веревокъ; поэтому не задумываясь ставили на порванныя веревки страшно высокіе счеты.

Трудно составить себѣ понятіе о разнообразіи партій и характеровъ нашего университетскаго общества. Русскіе и иностранцы стояли вообще враждебно другъ противъ друга; съ первыми я вступалъ въ союзъ, когда шло дѣло объ интересахъ казны; со вторыми—во всѣхъ ученыхъ предпріятіяхъ. Перевѣсъ большинства былъ на сторонѣ

---

[1] Только впослѣдствіи открылъ я большое сходство между этими письменами и рунами сибирскихъ или скиѳскихъ народовъ, обнародованными Палласомъ (въ Nordische Beiträge) и Сласскимъ (De antiquis quibusdam scripturis. 1822). Наконецъ, въ 1817 г. нашелъ я въ Касселѣ, въ древнихъ могилахъ гунновъ, очень похожія письмена, еще никѣмъ неразобранныя. Это заставляетъ предполагать существованіе грубаго рунообразнаго письма, въ незапамятныя времена принесеннаго изъ Азіи въ Европу.

нѣмцевъ; французы, сербы, венгры примыкали къ нимъ небольшими партіями.

Между русскими не осталось ни одного замѣчательнаго дарованія послѣ *Рижскаго* и профессора *Тимковскаго*, когда-то пользовавшагося большимъ вліяніемъ, а теперь жившаго на пенсіи; ректора *Стойковича*, о которомъ скажу послѣ, смѣнилъ *Осиповскій*, хорошій математикъ и честный человѣкъ, но бывшій подъ башмакомъ у своей властолюбивой и кокетливой супруги. Къ нему присоединились три профессора медицинскаго факультета: *Шумлянскій*, здоровый весельчакъ, напоминавшій польскихъ старостъ, который въ Страсбургѣ изучилъ анатомію и хирургію и былъ большой приверженецъ Наполеоновской системы; *Книгинъ*, получившій образованіе въ Берлинѣ, но до того небрежный въ своей практикѣ, что пропускалъ почти каждый кризисъ трехдневной лихорадки, когда я заболѣлъ; *Каменскій*, точный, ловкій практикъ, преподаватель повивальнаго искусства. Какъ секретарь и составитель протоколовъ нашего совѣта, гдѣ обыкновенно все обсуживалось по-латыни, онъ задавалъ намъ не мало работы своими русскими рапортами въ Петербургъ. Въ томъ-же ряду стоялъ *Успенскій*, русскій крючекъ: по должности синдика, онъ умѣлъ толковать указы вкривь и вкось, и подъ маскою большой угодливости скрывалъ ог-

ромное честолюбіе. Всѣ эти господа отличались большимъ притворствомъ и хитростью. Въ засѣданіяхъ совѣта хладнокровно и зорко слѣдили они за ходомъ споровъ, ловили каждое слово иностранцевъ, невсегда разборчивыхъ на выраженія, и умѣли пользоваться минутою, когда кто-нибудь изъ нихъ въ пылу спора увлекался открытымъ, безразсчетнымъ выраженіемъ своего мнѣнія. Такіе случаи были торжествомъ для нашихъ ученыхъ подъячихъ. Тотчасъ же изъ ихъ фаланги поднимался голосъ: «въ протоколъ записать!», «довести до свѣдѣнія начальства!». Всегдашнею ихъ тактикою было — представить неосторожнаго—вольнодумцемъ, врагомъ порядка и правительства. И это называли они: служить вѣрою и правдою!

Всѣ мои русскіе товарищи, такъ глубоко понимавшіе науку интриги, были почти незнакомы съ нѣмецкою литературою. Исключеніе можно сдѣлать только въ пользу одного русскаго адъюнкта медицинскаго факультета, *Калькау*. Онъ воспитывался въ Германіи и отличался тонкимъ пониманіемъ лучшихъ писателей нѣмецкой литературы. Жанъ Поль былъ любимымъ его авторомъ.

Въ числѣ профессоровъ было четыре француза: *Делавинь*, профессоръ ботаники, прежній аббатъ, старикъ простой, безъ претензій, чуждый всѣхъ интригъ, но, какъ ходила молва, очень скупой (помню, какъ однажды онъ крупно поспорилъ съ рек-

торомъ Стойковичемъ за то, кому пользоваться травою изъ огромнаго ботаническаго сада); *Баленъ де Баллю* и *Дюгуръ*, оба изъ Парижа, и *Совиньи*, мой адъюнктъ по филологіи.

Баллю пріобрѣлъ извѣстность своею исторіею греческаго краснорѣчія [1] и стоитъ того, чтобъ на немъ остановиться. Забавный оригиналъ, фантазеръ, поэтъ, неутомимый говорунъ, онъ пѣлъ, декламировалъ; въ обществѣ былъ вѣчно любезенъ и вѣчно разсѣянъ; дома страдалъ отъ безтолковаго хозяйства своей супруги, неудачно выбранной въ Парижѣ. Его nonchalance (непринужденность) не знала границъ. Съ русскимъ словаремъ въ рукахъ, шелъ онъ на базаръ и своимъ неправильнымъ акцентомъ, двумысленными, полупонятными словами возбуждалъ смѣхъ торговокъ; сосѣдскую свинью, ворвавшуюся къ нему въ садъ, представилъ онъ на санихъ въ уголовную палату, какъ очевидную улику (corpus delicti), и обратился къ судьямъ съ такою рѣчью: «господа свиньи!» вмѣсто «господа! эта свинья» и пр. На канунѣ свадьбы своей дочери онъ разъѣзжалъ въ парадной каретѣ, занималъ деньги у товарищей и тутъ-же укупоривалъ посуду. Впослѣдствіи онъ перешелъ въ Петербургъ, въ педагогическій институтъ, гдѣ читалъ по-французски

[1] Парижъ. 1813.

лекціи греческой литературы и имѣлъ успѣхъ, благодаря необыкновенному декламаторскому таланту.

Дюгуръ [1], перекрещенный при переходѣ въ русское подданство Дегуровымъ, въ прежнее время былъ, какъ разсказывали, книгопродавцемъ и издателемъ въ Парижѣ; потомъ, отпечатавъ при обвиненіи Людовика XVI рѣчи въ его защиту, бѣжалъ въ Британію, женился на англичанкѣ и оттуда вывезенъ какимъ-то русскимъ княземъ. По званію онъ былъ профессоръ исторіи, а въ сущности имѣлъ у насъ особенное значеніе, какъ ревизоръ училищъ и дипломатъ, особенно въ такихъ дѣлахъ, какъ столкновеніе университета съ герцогомъ Ришелье. Знаніе людей, свѣтскій тактъ, пылкій характеръ и ловкое умѣнье всегда соблюдать свою выгоду дѣлали его опаснымъ соперникомъ для всякаго; презирая русскихъ, ненавидя нѣмцевъ, онъ умѣлъ мастерски притворяться передъ тѣми и другими. Назначенный впослѣдствіи ректоромъ петербургскаго университета, онъ вышелъ на болѣе просторную арену, объѣздилъ Германію и Францію и доказалъ свою страсть къ космополитическимъ проектамъ сочиненіемъ о воспитательныхъ домахъ въ Европѣ.

---

[1] Объ этомъ ученомъ харьковскаго университета много свѣдѣній сообщаетъ г. Скальковскій. См. его "Матеріалы для исторіи образованія въ Одессѣ„ Южн. Сборн. №№ 3 и 4.

Лѣтъ черезъ двадцать послѣ моего выѣзда изъ Россіи, когда харьковская жизнь представлялась мнѣ уже чѣмъ-то въ родѣ сна, онъ посѣтилъ меня въ Касселѣ, и мы искренно помирились за старые харьковскіе споры. Несравненно ниже его стоялъ мой адъюнктъ, Николай *Паки де-Совиньи*, когда-то аббатъ. Во время пребыванія въ Польшѣ, онъ вступилъ въ морганатическій бракъ съ такъ называемою польскою графинею, и теперь въ домѣ у него все шло безпорядочно *. Лекціи де-Совиньи были образцемъ цвѣтистаго и надутаго безвкусія; въ своихъ латинскихъ и французскихъ сочиненіяхъ,

---

(*) Одинъ изъ старожиловъ харьковскаго университета разсказывалъ мнѣ о странностяхъ въ обращеніи его съ своею аристократическою женою, которыя доходили до того, что де-Совиньи по утрамъ являлся къ ней пить чай не иначе, какъ во фракѣ, и обращался съ фразою: „Bonjour, madame de Sauvigny“, на что супруга отвѣчала, „Bonjour, Mr de Sauvigny“. За-тѣмъ слѣдовали взаимные комплименты, любезности,—какъ будто-бы между любезною хозяйкою и интереснымъ молодымъ человѣкомъ, видящимися въ первый разъ. И это повторялось неизбѣжно каждый день въ теченіи долгой жизни. Оба они умерли въ глубокой старости. Много также смѣшнаго разсказываютъ про его отношенія къ студентамъ, которые въ насмѣшку устраивали въ честь его овація, провожая его, напр. послѣ лекціи, по городу со свѣчами. Добрый оригиналъ, принимая все это за чистую монету, приходилъ въ восторгъ! (Сообщено Н. И. Максимовымъ).

въ ученическихъ лекціяхъ онъ оставался ограниченнымъ приверженцевъ Буало и любилъ, по собственному его выраженію, расправляться *цензорскою указкою*. Докторскій дипломъ его, отпечатанный огромными буквами, висѣлъ подъ зеркаломъ. Безпрестанно рылся онъ въ старыхъ и новыхъ газетахъ и, какъ почти всѣ наши французы, былъ большой почитатель Наполеона.

Замѣчательнѣйшимъ изъ нѣмцевъ былъ *Романъ Шадъ*, прежній б недиктинскій монахъ въ Банцѣ, во Франконіи, заслуживший извѣстность своимъ столкновеніемъ съ тамошними обскурантами и тайнымъ бѣгствомъ. Яростный, ненавистный русскимъ поборникъ просвѣщенія, литературы и филологіи, Шадъ привлекъ студентовъ своею логикою, написанною плавною латынью (что-то въ родѣ философской пропедевтики); въ школѣ іезуитовъ онъ усвоилъ латинскую рѣчь въ совершенствѣ и уже по этому игралъ большую роль въ совѣтѣ и на всѣхъ диспутахъ [1]. Разсказы Шада о скандалезныхъ приключеніяхъ съ монахами были очень забавны и блистали неистощимымъ юморомъ, особенно когда онъ брался за скрипку, спасенную во время опаснаго его прыжка изъ Банца, и затягивалъ пѣснь свободы, подходившую къ птичьему пѣнію. Это былъ совершенный циникъ, у котораго монашескія при-

[1] Мы вмѣстѣ издали нѣмецкую христоматію; ему принадлежитъ выборъ части прозаической, а мнѣ поэтической.

вычки несовсѣмъ прикрывались русскимъ мундиромъ; держа оппозицію противъ старыхъ русскихъ, онъ давалъ слишкомъ много воли своему языку. Такъ, однажды, въ совѣтѣ онъ до того забылся, что сказалъ: «Вы всѣ холопы». Неумѣренное пьянство подрыло его здоровье, а несчастный бракъ, состоявшійся въ Курскѣ, на пирушкѣ, съ женщиною сомнительной репутаціи и скупою,—не то русскою, не то нѣмкою,—ускорилъ его домашнюю катастрофу. На него впослѣдствіи сдѣланъ былъ доносъ; лекціи метафизики, отзывавшіяся философіею Шеллинга, выданы за атеизмъ. Послѣ моего отъѣзда изъ Россіи, его препроводили изъ Харькова до границы, и онъ окончилъ несчастную свою жизнь въ Іенѣ, тамъ, гдѣ послѣ бѣгства изъ Банца Гете и Шиллеръ приняли его и поручили вниманію русскаго посланника. Разсказываютъ, что послѣ изгнанія изъ Россіи, въ 1817 г., у него была мысль обнародовать записки о всѣхъ пережитыхъ имъ на Руси несправедливостяхъ и тамошнихъ скандалахъ; но крайняя нищета заставила его, незадолго до смерти, продать свою тайну русскому посланнику въ Берлинѣ, Алопеусу. Не такъ давно случилось мнѣ говорить съ послѣднимъ секуляризованнымъ братомъ банцскаго монастыря. Бывшій черноризецъ передавалъ мнѣ,—правда, несовсѣмъ въ трезвомъ видѣ,—какъ Романъ Шадъ, во время послѣдняго своего пребыванія въ Герма-

пін, явился, словно привидѣніе, на клиросѣ банцскаго монастыря, въ русскомъ мундирѣ, и навелъ ужасъ на всѣхъ присутствовавшихъ.

Кромѣ того были еще слѣдующіе профессора изъ нѣмцевъ: *Гутъ*, превосходный математикъ и астрономъ, всегда веселый собесѣдникъ, который скоро разстался съ нами; *Гизе*, очень дѣльный фармацевтъ; сочиненія его переведены по-русски и были очень полезны для практическихъ химиковъ; *Шнаубертъ*, тоже химикъ, скоро переселился въ Москву съ своею молодою и умною женою и тамъ, послѣ нашествія французовъ, дошелъ почти до нищенства, какъ самъ писалъ, обращаясь къ помощи харьковскихъ своихъ товарищей; *Дрейссигъ*, котораго популярныя медицинскія сочиненія уважались въ Германіи, но приносили ему мало пользы, какъ практику, въ Россіи; особенно потому, что послѣ десятилѣтней практики онъ не говорилъ ни слова по русски, и *Пильгеръ*, геніальный ветеринаръ и медикъ. Хотя практика была ему запрещена, но онъ своимъ счастливымъ, простымъ и нѣсколько лошадинымъ лѣченіемъ возбуждалъ зависть всѣхъ учениковъ Эскулапа, былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ помѣщиками и другими окрестными паціентами и получалъ отъ нихъ щедрые подарки разными деревенскими продуктами. Къ сожалѣнію, большую часть времени онъ проводилъ въ саркастическихъ выходкахъ противъ своихъ факультетскихъ враговъ;

увольненіе его было уже рѣшено, и намъ съ трудомъ удалось спасти его. Спустя нѣсколько, онъ вторично женился на какой-то молодой русской торговкѣ. Эта подруга жизни помогала ему на ботаническихъ и фармацевтическихъ экскурсіяхъ, но за-то оторвала отъ порядочнаго общества.

Къ списку нѣмцевъ прибавлю еще одну группу. Политическую экономію читалъ *Данъ*, родомъ швабъ, который думалъ надѣлать чудесъ своимъ рѣшеніемъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ. *Рейтъ*, ученый, философски образованный и нѣсколько фантастическій историкъ, извѣстенъ былъ своею исторіею Франціи. *Нельдехенъ*, профессоръ сельскаго хозяйства, пріѣхалъ изъ Берлина и, не вѣдая ничего о жирной почвѣ Украйны, съ первыхъ же лекцій возбудилъ смѣхъ студентовъ своимъ ученіемъ объ удобреніи навозомъ; потомъ мало по малу, при пособіи своей супруги польки, занялся исключительно собственною экономіею. Украшеніемъ университета и юридико-политическаго факультета былъ мой другъ, благородный философъ *Швейкартъ*. Занимаясь въ Германіи воспитаніемъ нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ знатныхъ фамилій, онъ усвоилъ себѣ изящное свѣтское образованіе; въ памяти своей онъ хранилъ множество анекдотовъ и отличался увлекательнымъ даромъ разсказа. Швейкартъ въ началѣ своего пребыванія увлекался разными прекрасными проектами и преобразованіями; потомъ,

всмотрѣвшись поближе въ тогдашнее состояніе русскаго общества, разочаровался. Не имѣя силъ или желанія (по выраженію Песталоцци) управиться со свѣтомъ, который съ нимъ управлялся по своему, онъ сталъ подозрителенъ, бѣгалъ общества и впослѣдствіи, подъ вліяніемъ высшаго своего философскаго настроенія, едва не впалъ въ мистицизмъ. Въ 1817 г. мнѣ посчастливилось перезвать его въ Марбургъ, откуда съ титуломъ профессора и члена суда онъ перешелъ въ Кенигсбергъ, а въ 1844 году вызванъ въ берлинскій синодъ.

Нашимъ геніемъ добра и зла былъ многоопытный, отлично изучившій слабыя стороны русскихъ и нѣмцевъ, честолюбивый сербъ *Стойковичъ*. Его высокая, худощавая фигура, строгое съ орлинымъ носомъ лицо вызывали уваженіе, а рѣдкій даръ слова и административные таланты упрочили за нимъ огромное вліяніе. Онъ получилъ образованіе въ Геттингенѣ и, какъ профессоръ физики и писатель, по общему мнѣнію, былъ не столько самостоятельный ученый, сколько искусный компиляторъ. Составленный имъ учебникъ физики былъ принятъ, или, правильнѣе, навязанъ въ руководство гимназіямъ, и доставилъ ему значительную сумму денегъ. Но скромныя занятія ученаго не были его призваніемъ, и настоящая арена открылась для него съ выборомъ въ ректоры: въ теченіи трехъ лѣтъ онъ вполнѣ развернулъ необыкновенную, можно сказать, полити-

ческую свою дѣятельность. О прежней жизни его знали немного. Разсказывали, что, пользуясь своими сношеніями съ оставленнымъ отечествомъ и связями съ Георгіемъ Чернымъ, онъ устроилъ сильное переселеніе изъ Австріи въ Россію, и тѣмъ навлекъ на себя всегдашнее нерасположеніе австрійскаго правительства. Во время Наполеонова нашествія корресподенція наша съ министромъ въ Петербургѣ подверглась сильнымъ перерывамъ, а послѣ того онъ едва не вздумалъ отстаивать независимость нашего университета. Всегда готовый на обширные планы, онъ сильно поддерживалъ нѣмцевъ, когда задумали было вызвать новыхъ профессоровъ изъ Германіи. Вызовъ былъ остановленъ нашествіемъ французовъ. Но по этому случаю я вступилъ въ переписку съ превосходнымъ астрономомъ Литтровымъ, въ Казани, которому не нравился тамошній климатъ и грубость жителей (онъ перешелъ потомъ въ Вѣну), съ филологомъ Струве въ Дерптѣ и другими. Были у насъ еще иные планы. Въ Харьковѣ, расположенномъ между двумя ежегодно зацвѣтающими рѣчками, воздухъ былъ очень нездоровый; эпидемическія лихорадки часто опустошали городъ, а раннею весною, въ дождливое время, на улицахъ была такая страшная грязь, что мы принуждены были учредить для студентовъ грязные каникулы (feriae luti). Всѣ эти невыгоды подали намъ мысль просить о переводѣ университета въ Кіевъ. Я съ Стойковичемъ изго-

товилъ уже проектъ, назначенный для отправленія въ Петербургъ; почти всѣ профессора приложили свои подписи, какъ вдругъ одинъ русскій, несогласный съ нами, испортилъ чернильными пятнами нашъ документъ и тѣмъ разрушилъ весь проектъ. Вмѣстѣ съ Стойковичемъ основали мы при университетѣ ученое общество и приняли въ члены его губернатора, архіерея и всѣхъ образованнѣйшихъ почетныхъ лицъ въ окрестностяхъ. Русскимъ очень льстили почетные дипломы; мнѣ предложено предсѣдательство. Но тутъ вмѣшалось нашествіе французовъ, раздувшее ненависть ко всѣмъ иностранцамъ; вслѣдъ за тѣмъ общій взрывъ патріотизма выдвинулъ на первый планъ національное чувство русскихъ и, заглушивъ всѣ другіе интересы, побилъ въ зародышѣ почти всѣ наши ученые планы. Около того-же времени Стойковичъ принужденъ былъ искать другой арены. По немногу открылись его торговыя спекуляціи, подрывавшія казну и состоявшія въ безпошлинномъ ввозѣ иностранныхъ товаровъ, особенно венгерскаго вина. Началось скандальное слѣдствіе; онъ лишился должности. Впрочемъ, изъ огня мы попали въ поломя. Вскорѣ подпялось руссофильство, отъ послѣдствій котораго я во-время избавился.—Изъ путешестія *Коля* по южной Россіи извѣстно, что въ Харьковѣ сохранилось еще воспоминаніе, хотя слабое, о первомъ цвѣтущемъ времени университета. Не удивляюсь. Наши лите-

ратурныя и педагогическія стремленія—скажу смѣло—были немаловажны; но можно ли говорить о признательности нынѣшняго поколѣнія, когда уже при моемъ отъѣздѣ многіе изъ созданныхъ нами кандидатовъ, магистровъ и докторовъ готовы были бросить въ насъ камень?!

V.

Высшія городскія власти (губернаторъ, предсѣдатель уголовной палаты, инспекторъ врачебной управы, полиціймейстеръ). Каразинъ и Биберштейнъ. Недоступность свѣдѣній о политическихъ событіяхъ Европы. Генералъ Ковалинскій. Продажность профессоровъ. Проѣздъ грузинской царицы. Турецкіе плѣнные. Валковская рѣзня. Чувства украинцевъ при вѣсти о нашествіи Наполеона. Русскій патріотизмъ того времени. Положеніе иностранцевъ въ Харьковѣ. Французскіе плѣнные. Вражда бонапартистовъ и поляковъ къ приверженцамъ Бурбоновъ.

Relata refero.
Свѣжо преданіе,
А вѣрится съ трудомъ.

Въ памятъ о покинутой родинѣ, я, по пріѣздѣ въ Харьковъ, вступилъ въ знакомство съ нѣсколькими семействами честныхъ ремесленниковъ — нѣмцевъ. Посредникомъ служилъ мнѣ добрый другъ мой и

землякъ Шмерфельдъ, женатый на дочери одного механика. Разъ въ недѣлю собирались у меня и весело ужинали.

Неженатые профессора составили также клубъ, въ которомъ принимали участіе одни нѣмцы, за исключеніемъ Стойковича и Калькау. Но скоро украинское гостепріимство открыло мнѣ болѣе обширный кругъ знакомства. Во главѣ почетнѣйшихъ лицъ города стоялъ губернаторъ Бахтинъ, татарской крови. Разсказывали, что красавица жена [1] вывела его на почетное мѣсто. Живая и кокетливая, она представляла рѣзкій контрастъ съ неповоротливымъ, дороднымъ и добрѣйшимъ своимъ супругомъ; за вистомъ она всегда была его оракуломъ. Меня привлекла ея любезность; съ очаровательной улыбкою поправляла она мои ошибки въ русскомъ языкѣ и давала дружескій совѣтъ жениться на русской. За обѣдомъ у нихъ я обыкновенно занималъ мѣсто противъ хозяина дома. Съ какою-то нѣжностью онъ говорилъ о русскомъ стихотворцѣ Ломоносовѣ и любилъ также возвышенныя творенія нашего Клопштока, извѣстныя ему по переводамъ. Университету онъ искренно желалъ добра. Однажды графъ Разумовскій послалъ на ревизію въ курскую гимназію, гдѣ открылись безпорядки, одного изъ чиновниковъ своей канцеляріи,

[1] Дочь какого-то нѣмца, инспектора врачебной управы въ Тобольскѣ.

въ противность нашему уставу. Девять профессоровъ, въ томъ числѣ и я, обратились съ жалобою въ Петербургъ на такое нарушеніе устава. Управлявшій тогда имперіею, за отсутствіемъ Государя, комитетъ министровъ прислалъ намъ выговоръ, обязавъ выслушать его — дѣло безпримѣрное! — въ канцеляріи губернатора. Бахтинъ увѣдомилъ насъ объ этомъ и отсрочилъ объявленіе выговора до тѣхъ поръ, пока вторичное наше представленіе, въ которомъ мы опирались на утвержденный Государемъ Императоромъ уставъ университета, не побудило комитетъ министровъ измѣнить свое рѣшеніе.

Другаго разбора человѣкъ былъ предсѣдатель уголовной палаты, родомъ лифляндецъ, мастеръ пожить. Нерѣдко случалось, что когда онъ ѣздилъ по городу съ приглашеніями, купцы бросали ему на дрожки разные подарки. Носились также слухи, что въ темныя ночи онъ высылалъ своихъ людей на фуражировку по сосѣднимъ садамъ. Ему предстояло выдержать экзаменъ въ университетѣ для полученія высшаго чина — статскаго совѣтника; поэтому, желая представить наглядныя доказательства своихъ познаній, онъ вступалъ за столомъ въ ученые разговоры, до нельзя забавные, особенно съ профессоромъ физики, Стойковичемъ. Къ числу общественныхъ увеселеній въ Харьковѣ принадлежалъ также театръ, жалкій, вполнѣ провинціальный, въ которомъ профессора сами меблировали свою ложу.

Главнымъ украшеніемъ его были цыгане и цыганки: съ гитарой въ рукахъ, они то плавно изгибались подъ дивіе напѣвы, то, какъ буря, носились по сценѣ. Оркестръ театра составленъ былъ изъ крѣпостныхъ предводителя дворянства. Разъ какъ-то они совершенно неожиданно взяты были своимъ господиномъ,—и театръ разстроился. Въ партерѣ, подлѣ музыкантовъ, располагался нашъ предсѣдатель, вооруженный палкою; вѣчно взволнованный и накаленный, онъ давалъ знать публикѣ о своемъ настроеніи души сильными ударами по перегородкѣ оркестра, задѣвая иногда палкою спины музыкантовъ.

Другой оригиналъ былъ инспекторъ врачебной управы, который съ ничтожнымъ жалованьемъ въ 600 руб. асс. держалъ роскошный открытый столъ. Тайна объясняется очень просто: отъ него зависѣло освидѣтельствованіе ежегодно поставляемыхъ помѣщиками рекрутъ; (я видѣлъ однажды, какъ они бѣгали по двору совершенно нагіе); великодушно не досматривалъ онъ ихъ тѣлесные недостатки, по мѣрѣ подарковъ. Relata refero!

Полиціймейстеръ былъ обрусѣвшій нѣмецъ [1]. Слѣдующій случай привелъ меня познакомиться съ нимъ: въ одну зимнюю ночь пропали обѣ мои курляндскія лошадки. Когда я сообщилъ объ этомъ полиціймейстеру, онъ спросилъ: «сколько жертвую я

[1] По фамиліи, *Экъ. Прим. переводч.*

на это дѣло?». Въ цѣпѣ мы скоро сошлись. Немедленно отряженъ былъ полицейскій чиновникъ, который на слѣдующую ночь нашелъ лошадей въ сосѣднемъ городѣ, Богодуховѣ, взялъ ихъ прямо изъ конюшни воровъ и доставилъ въ цѣлости ко мнѣ.

По сосѣдству съ городомъ жили двое дворянъ, *Каразинъ* и *Биберштейнъ*, знакомство съ которыми принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ воспоминаніямъ моей жизни. Василій Назаровичъ Каразинъ, истинный основатель харьковскаго университета, занимая должность статсъ-секретаря при Александрѣ, навлекъ чѣмъ-то недовѣріе Императора, и поселившись среди малорусскаго, довольно независимаго дворянства, пріобрѣлъ всеобщее уваженіе. Онъ былъ знакомъ со многими языками и литературами Европы; слѣдилъ за всѣми новѣйшими открытіями въ физикѣ и химіи и посвящалъ свое время ученымъ занятіямъ и опытамъ. Исполненный филантропическихъ идей, Каразинъ думалъ даже поставить своихъ крестьянъ на степень гражданъ и ввелъ между ними что-то въ родѣ суда присяжныхъ. Другой изъ этихъ замѣчательныхъ людей, генералъ, маршалъ Биберштейнъ, извѣстенъ какъ издатель Кавказской флоры и авторъ путешествія по землямъ, лежащимъ между Терекомъ и Курою. Онъ жилъ недалеко отъ Харькова, въ селѣ Мерефѣ, гдѣ я нерѣдко проводилъ время и расширялъ

свои свѣдѣнія о Кавказѣ. Бибершгейнъ первый ввелъ акацію въ украинскую мѣстность и управлялъ шелковичными плантаціями южной Россіи. Находясь въ сношеніяхъ со многими московскими вельможами, онъ получалъ свѣдѣнія о политическихъ дѣлахъ; въ его домѣ узналъ я кое-что о политическомъ положеніи Европы до нашествія Наполеона на Россію, и послѣ того услышалъ также о патріотической рѣшимости русскихъ завлечь непріятеля во внутренность страны отступленіемъ à la manière des Scythes и пожертвовать даже престольною Москвою.

Въ то-же время я познакомился съ генераломъ Ковалинскимъ, впослѣдствіи моимъ дядею по женѣ. Начавъ свою службу при Екатеринѣ, Ковалинскій попалъ въ любимцы Валеріяна Зубова и назначенъ гражданскимъ губернаторомъ Грузіи; при воцареніи Павла былъ въ немилости, а потомъ занялъ очень доходное мѣсто генералъ-провіантмейстера харьковскаго округа. Онъ познакомилъ меня съ своимъ другомъ, Хорватомъ, бывшимъ херсонскимъ губернаторомъ, который поручилъ мнѣ приготовить къ окончательному экзамену въ университетѣ своего сына, плодъ любви его къ одной прекрасной замужней француженкѣ. Въ то время я не имѣлъ еще понятія о господствовавшихъ сплошь и рядомъ подкупахъ. Когда наступилъ срокъ докторскаго экзамена, молодой Д-й приходитъ ко мнѣ

и говоритъ: «Я слышалъ, что вы изъявляли желаніе купить у меня дрожки и пару лошадей?» (Дрожки и лошади были великолѣпныя). «Вовсе не думалъ», отвѣчалъ я. Дѣло, казалось, было кончено. Скоро послѣ того я увидѣлъ этотъ великолѣпный экипажъ во владѣніи одного изъ моихъ русскихъ товарищей, а послѣ, въ Петербургѣ, узналъ, что надъ моею честностью сильно посмѣялись. Подобныя предложенія всегда приводили меня въ негодованіе. Но особенно возмутило меня посольство директора екатеринославской гимназіи, который хотѣлъ получить высшій чинъ путемъ почетнаго экзамена. Молодой человѣкъ, сынъ просителя, привезъ мнѣ charte blanche на пятьсотъ рублей при письмѣ, въ которомъ глупый его батюшка съ настойчивостью и самоувѣренностію говорилъ о своихъ правахъ на чинъ, ссылаясь на орденъ, недавно ему пожалованный. Единственнымъ подаркомъ такого рода, который принялъ я разъ въ жизни, была бочка икры, присланная мнѣ священникомъ изъ окрестностей Архангельска.

Совершенно новымъ явленіемъ былъ для меня проѣздъ грузинской царицы, которую везли чрезъ Харьковъ въ Петербургъ въ почетномъ плѣну. Мнѣ и ректору Стойковичу поручено было принести ей поздравленіе отъ имени университета. Путешественница приняла насъ, сидя на тронообразномъ креслѣ, въ дорогой восточной одеждѣ; большіе гла-

за, окаймленные сильно подкрашенными рѣсницами, выражали печаль и тревогу; рядомъ стоялъ ея сынъ, полковникъ русской службы, въ блестящемъ военномъ мундирѣ, вооруженный съ головы до ногъ; нѣсколько дальше тянулся строй дурно одѣтыхъ, босоногихъ дѣвушекъ, между которыми я не замѣтилъ ни одного экземпляра столь прославленной грузинской красоты.

Во время турецкой войны, оконченной незадолго до нашествія Наполеона на Россію, взято было въ плѣнъ множество турецкихъ офицеровъ, отчасти поселенныхъ въ окрестностяхъ Харькова. Они вступили въ городъ верхомъ, съ большимъ парадомъ, и приглашены были губернаторомъ на вечеръ. Тамъ я видѣлъ ихъ и удивлялся гордой, величавой осанкѣ пашей, разнообразію и тонкому вкусу ихъ головныхъ уборовъ, мужественной красотѣ лицъ съ длинными, почтенными бородами. Первое мѣсто между плѣнными занимали: прежній господарь Молдавіи и Валахіи, *Карлъ Каллимахи*, и его министръ, *Федоръ Негри*, который игралъ, если не ошибаюсь, значительную роль во время греческаго возстанія. Оба они свободно объяснялись по французски, разсказали мнѣ о различныхъ качествахъ турокъ, сидѣвшихъ вокругъ насъ, и выразили желаніе прослушать у меня особый курсъ римской литературы. Каждый день ѣздилъ я на ихъ квартиру и во время лекцій, при которыхъ присутство-

валъ также секретарь господаря, меня угощали трубкою турецкаго табаку и чашкою левантскаго кофе, приготовляемаго слугою на нашихъ глазахъ. Мои лекціи начались краткимъ курсомъ грамматики; приготовленіе на дому и природныя дарованія моихъ учениковъ очень облегчили меня. Дѣло пошло успѣшно и скоро мы перешли къ Проперцію и Тибуллу, любимымъ писателямъ господаря. Кроткій, милый его характеръ виденъ какъ изъ этого выбора, такъ и изъ нѣжной его переписки съ молодою женою, оставшеюся въ Константинополѣ. Негри имѣлъ болѣе философское направленіе; по его желанію, переведено было на французскій и латинскій языки нѣсколько лучшихъ нѣмецкихъ сочиненій по философіи. Въ свободное время я нерѣдко заставалъ Каллимахи и Негри среди отвлеченно богословскихъ споровъ; они вели разговоръ по-новогречески съ такою быстротою, что я понималъ только отдѣльныя слова и фразы, но не могъ не замѣтить ихъ страсти къ отвлеченнымъ преніямъ о таинствахъ христіанской вѣры и греческой церкви. Негри показывалъ мнѣ изданіе любимаго своего писателя, Θукидида, въ которомъ новогреческій переводъ, стоявшій противъ древняго оригинала, занималъ почти вдвое больше пространства: очевидное доказательство порчи новогреческаго діалекта и неподражаемой краткости древнихъ классиковъ! — Въ моей квартирѣ, у купца

Карпова, я познакомился еще съ темнооливковымъ пашею, родившимся вблизи Аравіи, который совершалъ обычныя свои молитвы съ колѣнопреклоненіями публично на коврѣ, по вечерамъ пилъ съ нами чай въ саду и въ 9 часовъ приказывалъ полковымъ своимъ музыкантамъ играть въ честь заходящаго солнца. Долго хранился у меня молитвенникъ въ двѣнадцатую долю, составленный изъ многихъ суръ (главъ) корана, который подаренъ мнѣ на память однимъ турецкимъ офицеромъ поразительной, античной красоты. Я встрѣтилъ его въ Водолагахъ, на вечерѣ у моей будущей тещи, и, при помощи толмача, заключилъ съ нимъ союзъ сердечной дружбы. Онъ палъ жертвою убійства въ Валкахъ, 17 октября, 1811 года. Въ этомъ городкѣ, училище котораго подлежало моей ревизіи, расположено было нѣсколько сотенъ безоружныхъ турокъ и арнаутовъ, почти безъ всякой военной охраны. При проѣздѣ какого-то сосѣдняго дворянина черезъ городъ, плѣнные замѣтили турчанку на козлахъ экипажа и, какъ разсказываютъ, сговорились освободить ее ночью. На другой день послѣ того я былъ въ Валкахъ и, подъѣзжая къ городу, увидѣлъ толпу мужиковъ и солдатъ, отчасти вооруженныхъ косами, пьяныхъ, съ добычею, захваченною у турокъ. Эти мужики, предводимые какимъ-то свирѣпымъ коммисаромъ, прежде бывшимъ хирургомъ, избили турокъ, которые въ минуту напа-

денія просили о пощадѣ на колѣняхъ. Названный мною красавецъ-офицеръ скрылся у смотрителя училища, по трусости былъ выданъ, и, ища спасенія, бѣгомъ пустился въ церковь; его догнали на дорогѣ и, за одно съ товарищами, прихлопнули. Сколько мнѣ извѣстно, объ этомъ злодѣйствѣ, виною котораго была, какъ говорили, небрежность и безпечность губернатора, не было произведено никакого слѣдствія; но вѣсть объ немъ быстро разнеслась по обширной имперіи. Каллимахи, вскорѣ потомъ вмѣстѣ съ другими плѣнными оставившій Россію въ слѣдствіе мира, такъ кстати заключеннаго, высказалъ мнѣ свои опасенія, что въ Константинополѣ отвѣтственность за это кровопролитіе падетъ на него. Впослѣдствіи меня увѣряли, что при начатіи греческой революціи Каллимахи былъ сосланъ и казненъ.

Нашествіе французовъ и первыя извѣстія о движеніи Наполеона по московской дорогѣ произвели на жителей Харькова самыя разнообразныя впечатлѣнія. Генералъ фонъ-Биберштейнъ съ полною увѣренностью предсказывалъ гибель всей Наполеоновской экспедиціи. То-же самое желаніе и тѣ-же надежды выражали не только русскіе патріоты, но почти и всѣ переселившіеся нѣмцы. Напротивъ, между старыми дворянскими фамиліями изъ поляковъ было не мало такихъ, которыя утѣшали себя мыслію, что для Россіи пробилъ послѣдній часъ.

Быть можетъ, Наполеонъ нашелъ бы въ Украйнѣ, богатой жизненными припасами и скотомъ, вѣрный лагерь на зиму, до другаго, болѣе счастливаго похода. Но не зная ничего объ этой симпатіи, или страшась участи Карла XII и не имѣя понятія о рѣшительномъ патріотизмѣ русскихъ и вліяніи ихъ духовенства, слишкомъ самоувѣренно разсчитывалъ на то, что въ древней столицѣ Московіи предпишетъ миръ. Вскорѣ послѣ убійственнаго сраженія при Можайскѣ, мнѣ случилось быть очевидцемъ той древнеримской твердости, какую выказали всѣ русскіе, приглашенные губернаторомъ въ день тезоименитства Императора. Каждому изъ нихъ суждено было оплакивать въ своей семьѣ смерть близкаго родственника. Въ многолюдномъ обществѣ, за столомъ, не было произнесено почти ни одного слова, кромѣ обычнаго заздравнаго тоста, переходившаго кругомъ вмѣстѣ съ бокаломъ; безмолвная, но тѣмъ болѣе выразительная рѣшимость непреклоннаго патріотизма была на лицахъ у всѣхъ присутствовавшихъ. Вслѣдъ за-тѣмъ я узналъ: съ какою необыкновенною силою поднялось общественное мнѣніе и какъ оно, никого не щадя и съ презрѣніемъ минуя Барклая де Толли, какъ иностранца, потребовало въ полководцы чистаго русскаго, Кутузова. Какъ полководецъ, Кутузовъ слишкомъ мало оцѣненъ Сегюромъ въ его Исторіи похода 1812 года: съ глубокимъ притворствомъ и хитростью,

съ совершеннымъ знаніемъ русскаго характера, онъ соединялъ такъ же зрѣло обдуманные стратегическіе планы.

Общее недовѣріе къ иностранцамъ сначала, казалось намъ, не коснулось университета; потому что нѣмцы низшаго сословія, которымъ вообще предписано было переселиться за Волгу, получали дозволеніе остаться, если только члены университета брали ихъ на поручительство.

Первый изъ плѣнныхъ французскихъ офицеровъ, появившихся въ Харьковѣ, былъ генералъ Феррье, адъютантъ Мюрата, взятый въ плѣнъ недалеко отъ Калуги, гдѣ Кутузовъ занялъ знаменитую свою позицію. Феррье велъ себя съ большимъ достоинствомъ, когда извѣстный намъ предсѣдатель, *Мюнстеръ*, вздумалъ было, безъ всякаго права, допрашивать его о силахъ французской арміи и тому под. Впослѣдствіи (въ апрѣлѣ 1813 г.), пріѣхалъ полковникъ Бисси, изъ корпуса Удино, захваченный при переправѣ чрезъ Березину. Съ жалкой, отведенной ему квартиры я пригласилъ его къ себѣ. Бисси родился въ Лондонѣ [1], изучалъ астрономію во Франціи, подъ руководствомъ Кассини и въ качествѣ астронома сопровождалъ капитана Бодена во время кругосвѣтнаго путешествія. Этотъ многознающій, дорогой мой товарищъ и учитель

[1] Отецъ его, генералъ Бисси, состоялъ въ родствѣ съ Доріями; мать была англичанка Торнгилль (Thornhill).

англійскаго языка былъ осыпанъ милостями Наполеона; но несмотря на то, онъ объявилъ себя рѣшительно въ пользу Бурбоновъ, какъ только попалась ему въ руки напечатанная въ Парижѣ прокламація Императора Александра. Бисси подвергся за то оскорбленіямъ, изъ которыхъ видно, какъ велики были даже внутри Россіи упорство и наглость бонапартистовъ.

Бисси, приглашенный предсѣдателемъ на обѣдъ вмѣстѣ съ другими французскими офицерами изъ данцигскаго гарнизона, присланными въ Харьковъ, вошелъ въ комнату съ бѣлою кокардою и прокламаціею въ рукахъ; тогда противники его чуть не сорвали съ него ордена почетнаго легіона, на глазахъ малодушнаго хозяина дома; въ величайшемъ негодованіи и волненіи, полковникъ прибѣжалъ ко мнѣ. То-же грозили сдѣлать съ нимъ на улицѣ нѣкоторые польскіе офицеры; потому что заклятая ненависть между русскими и поляками, передавшимися Наполеону и дурно награжденными, достигла въ это время высшей степени. Поляки открыто осыпали также безпощадною бранью австрійцевъ и прусаковъ. Я вынужденъ былъ обратиться съ жалобою къ губернатору Бахтину, который, при обмѣнѣ французскихъ плѣнныхъ, снабдилъ нашего любимца особымъ паспортомъ. Къ сожалѣнію, я не могъ потомъ ничего узнать о дальнѣйшей судьбѣ моего друга.

Тогда же ожидалъ я къ себѣ младшаго брата, служившаго поручикомъ въ вестфальской гвардіи, который послѣ перехода черезъ Березину попалъ въ плѣнъ и выпесъ страшныя страданія. Сношенія черезъ почту были тогда такъ неисправны, что изъ семи его писемъ только одно дошло до меня. Когда же я послалъ ему деньги, чрезъ посредство ректора виленскаго университета, Спядецкаго, онъ перешелъ уже въ нѣмецкій легіонъ, образовавшійся подъ покровительствомъ Императора Александра I.

VI.

Женитьба Роммеля. Окрестные помѣщики: г-жа Дунина, Андрей Ивановичъ Черновъ; какой-то потомокъ разбойничьяго атамана. Политическія сужденія русскихъ послѣ изгнанія Наполеона. Алымовъ и генералъ Ламбертъ. Домъ генерала Ковалинскаго.

Обширные мои планы о путешествіи на Кавказъ и въ Константинополь, ради которыхъ я однажды проѣхалъ до Таганрога, встрѣтили препятствія въ кордонѣ противъ чумы, протянутомъ по всей южной Россіи, въ нашествіи французовъ и, наконецъ, въ моей женитьбѣ.—Разскажу, какъ произошла эта перемѣна въ моей жизни.

Еще въ первый годъ моего пріѣзда судьба привела меня, въ обществѣ доктора Кальве, ученика Моцарта, женатаго на богатой русской, въ дерев-

ню Водолагу (отъ Харькова верстъ сорокъ), гдѣ жилъ: графъ Парма, инспекторъ шелковичныхъ плантацій; зять его, шведъ Литандеръ и гостепріимное малорусское семейство Черновыхъ. Старуха Чернова, богатая вдова маіора, дочь русскаго священника и сестра генерала Ковалинскаго, приняла меня съ особенною ласкою. Суевѣрная, ханжа, жестокая въ обращеніи съ своими дѣтьми и крестьянами, какъ я впослѣдствіи узналъ, эта женщина очень любила нѣмцевъ. Изъ четырехъ дочерей она выдала замужъ одну за молодого и разгульнаго русскаго ротмистра; три остальныя были дѣвицы. Старшая, уже немолодыхъ лѣтъ, имѣла философское направленіе, съ свѣтлымъ оттѣнкомъ, который заняла она у любимаго своего писателя, Виланда; самая младшая, очень веселаго и живаго характера, мастерица пѣть украинскія пѣсни, была не старѣе 15 лѣтъ. На одной вечеринкѣ, на которую приглашено было также нѣсколько знатныхъ турокъ, я, танцуя и играя въ фанты, влюбился въ третью, самую красивую, по имени Маргариту Ивановну. Гордая, очаровательная манера, (особенно, когда она разливала чай для гостей) гибкая, тонкая талія, черные, прорѣзанные миндалиной, глаза, напоминавшіе Venus pæta,—отличали мою красавицу. Недостатокъ знанія иностранныхъ языковъ—она не говорила ни по-французски, ни по-нѣмецки—вознаграждался въ моихъ глазахъ

неподражаемымъ ея говоромъ и мастерскимъ знаніемъ роднаго ея языка. Въ то время я еще не понималъ, какъ важно различіе религіи, національности, темперамента (въ чемъ убѣдилъ меня впослѣдствіи горькій опытъ), и беззаботно, какъ ребенокъ, выбралъ своимъ сватомъ генерала Ковалинскаго. Онъ пригласилъ семейство Черновыхъ въ Харьковъ на нѣсколько времени, и когда однажды моя семнадцатилѣтняя, порою меланхолическая, украинка вздумала серьезно увѣрять, что бракъ нашъ не можетъ быть счастливъ, я принялъ это за минутный капризъ.

Напрасно г-жа Бахтина и Стойковичъ приглашали меня нѣсколько разъ на дачу, предлагая познакомить съ одною русскою дамою, знатною и свѣтскою, которая могла быть мнѣ прекрасною партіею. Я такъ сжился въ мечтахъ съ малорусскою Аркадіею, что не хотѣлъ слышать ни о чемъ. Посаженымъ отцемъ моей невѣсты былъ генералъ маршалъ Биберштейнъ; свадьбу отпраздновали въ Водолагахъ, въ февралѣ 1811 года, со всѣми церемоніями и обрядами греко-русской церкви; мѣстный протопопъ былъ такъ любезенъ, что предложилъ мнѣ вопросъ о согласіи по-русски и по-латыни (за что и получилъ въ награду пятьдесятъ рублей). Танцовали до упаду, много пили; много шумѣли, провозглашали многолѣтіе; меня и генерала Ковалинскаго поднимали на воздухъ. На дру-

гое утро теща моя, крѣпко державшаяся старыхъ украинскихъ обычаевъ, разсердилась на меня за то, что я не догадался поблагодарить ее, по древне-еврейскому обычаю, брачный смыслъ котораго объяснили мнѣ уже впослѣдствіи. За-тѣмъ пошли обычные круговые визиты ко всѣмъ сосѣдямъ и родичамъ; сначала ко вдовѣ Дунаной, въ новой Водолагѣ, гдѣ мы застали старшую дочь ея, остроумную *графиню Сиверсъ*, и цѣлое блестящее общество; тамъ было вдоволь французскихъ гувернеровъ, была за столомъ музыка; младшая изъ дочерей хозяйки, подруга моей молодой жены, не нашла неприличнымъ проводить насъ, съ восковыми свѣчами въ рукахъ, до нашей спальни. Немного подальше жилъ подполковникъ *Андрей Ивановичъ Черновъ*, братъ моей жены, который пріобрѣлъ огромное состояніе поставками на молдавскую армію, и былъ женатъ на дѣвицѣ Энгельгардтъ, внучатной племянницѣ князя Потемкина. Прекрасный по наружности, великодушный, почти космополитъ по образу мыслей, Черновъ слишкомъ увлекался игрою. Изъ отдаленныхъ губерній съѣзжались къ нему ежегодно одномыслящіе друзья играть въ банкъ. Мнѣ самому случалось видѣть, какъ они ставили по четыре и пяти тысячъ на одну карту. Тутъ мой дядя, въ другихъ случаяхъ, скупой, расплачивался за проигрышъ векселями на будущіе доходы отъ вина, впередъ за нѣсколько лѣтъ.

Здѣсь же видѣлъ я въ первый разъ молодого женина родственника, Ивана Михайловича, сына рязанскаго губернатора, который впослѣдствіи разрушилъ мое семейное счастье. Этотъ миніатюрный Сарданапалъ тогда-же заключилъ постыдную мѣну съ моею черезъ-чуръ снисходительною тетушкою: онъ взялъ у ней молодую турчанку въ обмѣнъ на вѣрнаго Мавра; черный рабъ, скрежеща зубами, бросилъ къ ногамъ своего безчувственнаго господина сто рублей, предложенные ему въ утѣшеніе. Черезъ нѣсколько времени, Андрей Ивановичъ заболѣлъ молдавскою гнилою горячкою и умеръ въ моемъ домѣ. Когда бездушный трупъ покойнаго вынесли въ церковь, жена его, стоявшая подлѣ меня, подняла страшный плачъ и упала въ обморокъ; у меня надорвалось сердце глядѣть на эту сцену; для русскихъ она вовсе не была такъ поразительна!

Для характеристики украинскихъ нравовъ разскажу еще о двухъ нашихъ визитахъ. Мы пріѣхали къ одному помѣщику, дочери котораго, по старинному русскому обычаю, привѣтствовали меня поцѣлуемъ; но были сильно смущены, когда старый ихъ папа, не зная ничего о новыхъ учрежденіяхъ и университетахъ въ Россіи, началъ болтать и поставилъ въ одинъ классъ профессоровъ, комедіантовъ и бродягъ. У дверей его дома я замѣтилъ пару каменныхъ фигуръ, очень напоминавшихъ разбойничьихъ атамановъ: это были бюсты

предковъ хозяина. Мнѣ передавали, что въ старинныя времена они дѣйствительно вербовали бѣдныхъ или задолжавшихъ сосѣднихъ казаковъ и составляли такимъ образомъ цѣлыя шайки ополченій.

Тамъ же встрѣтилъ я стараго полковника, добрѣйшаго крикуна, котораго крестьяне очень любили, несмотря на то, что, отходя ко сну, онъ осыпалъ ихъ страшнѣйшими ругательствами. Брань принималась какъ особенный знакъ ласки и возбуждала во мнѣ неумолкаемый хохотъ. Успѣхи мои въ русскомъ языкѣ подвинулись уже на столько, что я могъ понимать самые запутанные разговоры русскихъ, толковавшихъ о политикѣ. Послѣ изгнанія французовъ, главною темою было величіе русскаго народа и завистливые толки о морскомъ и торговомъ превосходствѣ англичанъ. По крайней мѣрѣ, такіе разговоры велись въ деревнѣ у богатаго помѣщика *Алымова*, на котораго всѣ гости смотрѣли, какъ на Нестора и Ментора. У него гостилъ тогда *Ламбертъ*, русскій генералъ отъ кавалеріи, раненный въ ногу, который всю вину за неполное истребленіе остатковъ великой арміи при Березинѣ приписывалъ главному начальнику аванпостовъ, прежде бывшему адмиралу, Чичагову, не-

[1] Бюстъ атамана *Гаркуши*, разбоями нажившаго огромное состояніе, перешедшее потомъ въ родъ Алферовыхъ.— Подробную біографію Гаркуши см. въ «Основѣ». *(Прим. переводч.)*

рѣшительному и привыкшему лавировать. Не угадавъ, какую дорогу выберетъ Наполеонъ при отступленіи,—на Смоленскъ или на Вязьму,—Чичаговъ отрядилъ Ламберта въ самую рѣшительную минуту съ 20.000 кавалеріи на виленскую дорогу, далеко отъ Березины. (Ср. Ségur, Hist. de Napoléon et de la Grande Armée).—Замѣчательную пестроту представлялъ въ Харьковѣ домъ моего дяди, генерала Ковалинскаго. Жена его, *Меланья Григорьевна Лазарева*, была внучка того армянина, который завладѣлъ огромнѣйшимъ алмазомъ шаха Надира и продалъ его Екатеринѣ II. Некрасивая по наружности, съ большими глазами, съ большимъ носомъ, Меланья Григорьевна была однакожъ очень умна и любила меня. Пользуясь присутствіемъ моего друга, полковника Бисси, она вздумала завести домашнее ученое общество. Бисси посвящалъ ей свои рисунки, набросанные въ свободные часы; иногда же, для развлеченія ея, мы составляли концертъ, въ которомъ я держалъ флейту. Я составилъ было планъ помѣстить нашего кругосвѣтнаго путешественника на каѳедру астрономіи при университетѣ; но онъ самъ отказался, когда узналъ, что противъ него поднимается интрига. Генеральша Ковалинская выбрала учителемъ своему единственному сыну сержанта данцигскаго гарнизона, родомъ изъ Парижа. Этотъ отчаянный бонапар-

тистъ часто сердилъ насъ до-нельзя своимъ нахальствомъ.—Другомъ дома и главнымъ распорядителемъ по экономической части былъ осьмидесятилѣтній баронъ *Гольдъ*, бѣжавшій изъ Брабанта во времена прежнихъ революцій. Утромъ онъ навѣдывался въ кухню, заказывалъ любимыя свои блюда и, надѣвъ старый рейтсюртукъ, отправлялся верхомъ на малорослой плохой лошаденкѣ. Слѣпой почитатель Вольтера, онъ чуть не молился на его портретъ; но совершенно не зналъ нѣмецкой литературы, которую я тщетно прославлялъ. Споры барона съ госпожею Ковалинскою, которая смотрѣла на его старческія слабости съ трогательною снисходительностью, всегда почти начинались фразою: Vous savez, Melanie Grégorowna, que je suis un enfant de la révolution!—Правою рукою генерала, по большей части находившагося въ разъѣздахъ, былъ честный старикъ нѣмецъ, Адамъ Христофоричъ, у котораго подъ командою состоялъ маленькій отрядъ кордонныхъ и огромный магазинъ бутылокъ съ разнообразнѣйшими питьями. Онъ одинъ подалъ мнѣ совѣтъ остерегаться молодого родственника моей жены, какъ интригана и отъявленнаго развратника, и сильно порицалъ скупаго генерала за то, что онъ, заранѣе ожидая непріятнаго посѣщенія племянника, не помѣстилъ его въ своемъ домѣ, а навязалъ мнѣ.

Наша семейная жизнь началась съ того, что насъ

окружила цѣлая толпа весьма дешевыхъ крѣпостныхъ: каммердинеръ, кучеръ, столяръ, поваръ; кромѣ того, горничная, кухарка и ключница, которая смотрѣла за всѣми припасами: мукою, рисомъ, молокомъ и наливкою. Необходимое на Украйнѣ варенье, которымъ потчивали всякаго гостя, приготовляла моя любезная жена, смысливша кое-что въ ботаникѣ. Она умѣла также готовить малороссійскій борщъ. Мы жили на квартирѣ у купца; при домѣ былъ небольшой садъ и русская баня. Маргарита и ея сестры знали всѣ малорусскія пѣсни, прелесть которыхъ состоитъ въ нѣжномъ языкѣ, вѣрно отражающемъ природу, въ оригинальной, преимущественно элегической, мелодіи и въ богатствѣ содержанія. Любовь, жизнь природы, тоскливое ожиданіе, прощаніе, слава и военные подвиги любимаго казака составляютъ ихъ предметъ. Она начала также учиться по-нѣмецки у меня и одного русскаго лектора, но ей не доставало настойчивости въ занятіяхъ. Сначала мы вели аркадскую жизнь; когда я возвращался вечеромъ съ лекціи и садился за чайный столикъ, она часто говорила мнѣ, что довольна и счастлива. Но мало по малу горизонтъ помрачился. При всей преданности и нѣжности, въ ея темпераментѣ были черты холерической раздражительности, часто прорывавшіяся наружу, и мрачное настроеніе къ піетизму. Неразъ мать возила ее въ Ахтырку, куда одна изъ чудо-

творныхъ иконъ Богоматери постоянно привлекала большую толпу странницъ, особенно такихъ бездѣтныхъ молодыхъ женщинъ, какъ была моя жена. Я сдѣлалъ, можетъ быть, ошибку, оставивъ ей полную свободу для этихъ поѣздокъ. Слишкомъ частыя посѣщенія ея родныхъ, которые со всею рухлядью и толпою крѣпостной челяди располагались въ нашемъ домѣ на цѣлыя недѣли, мѣшали обычнымъ моимъ занятіямъ и нарушали домашнее спокойствіе. Наконецъ явился кузенъ, задолго прежде росписанный мнѣ великолѣпными красками; свилъ себѣ гнѣздышко въ моемъ домѣ очень безцеремонно на нѣсколько недѣль и принялся покорять женскія сердца восхитительными разсказами и подарками. Я затаилъ въ себѣ мучительную досаду и болѣзненную ревность и тѣмъ положилъ зародышъ желчной нервной горячки; страдалъ и тосковалъ одиноко, въ то время, какъ все общество легкомысленно и безпечно предавалось веселостямъ на загородныхъ прогулкахъ. Національная ненависть противъ всѣхъ иностранцевъ, сильнѣе пробудившаяся послѣ нашествія французовъ, отразилась также на моихъ семейныхъ отношеніяхъ. Разсѣялось прежнее очарованіе любви, порожденной болѣе фантазіею, чѣмъ истинною симпатіею и сходствомъ вкусовъ. Не задумываясь, я вдругъ рѣшился подняться, чтобъ спасти свою независимость и поискать въ Петербургѣ новой должности. Передъ

тѣмъ не задолго, меня представили къ наградѣ за изданныя для университета сочиненія и безъ всякихъ препятствій разрѣшили еще увольненіе въ отпускъ на одинъ годъ. Оставивъ половину жалованья заступавшему мое мѣсто профессору Шаду, я продалъ все свое движимое имущество, къ великому ужасу родственниковъ, и нанялъ для перевозки остальнаго и отборныхъ книгъ нѣсколькихъ извощиковъ съ тремя повозками. Со мною отправился отставной раненный прусскій офицеръ, фонъ-Вестергагенъ, которому хотѣлось попытать счастья въ Петербургѣ. Сборы къ путешествію окончены были съ величайшею быстротою въ то время, когда въ Харьковѣ свирѣпствовала тифозная эпидемія, поразившая профессора Шмерфельда. Одинъ изъ моихъ товарищей, Дюгуръ, условился со мною также выбраться поскорѣе изъ опаснаго мѣста. Передъ выѣздомъ (въ іюлѣ 1814 г.), мнѣ случайно попалось въ руки женино письмо къ кузену, посланному моею злою судьбой, письмо, которое осталось для меня загадкою; въ немъ она, жалуясь на свою участь, употребила выраженіе: хамелеонъ. Впрочемъ, мы предприняли это путешествіе съ общаго согласія, хотя, конечно, каждый изъ насъ таилъ въ душѣ надежду, что для него начнется новая эра еще свѣжей жизни.

VII.

Путешествіе отъ Харькова до Петербурга и возвращеніе Роммеля на родину, въ 1815 году.

По особенной благосклонности министра, графа Разумовскаго, отпускъ давалъ мнѣ право жить въ Москвѣ или Петербургѣ. Это разрѣшеніе было тѣмъ пріятнѣе, что только тамъ я могъ получить свѣдѣнія о послѣднихъ перемѣнахъ въ моемъ отечествѣ и надеждахъ на переселеніе. Конечно, мнѣ уже извѣстны были рѣшительныя для освобожденія Германіи послѣдствія великой битвы народовъ при Лейпцигѣ, смѣлый походъ Чернышева на Кассель, уничтоженіе королевства вестфальскаго и возвращеніе курфирста гессенскаго. Еще въ Россіи узналъ я, что гессенцы поднялись, организовались, по указанію нѣкоторыхъ искусныхъ вождей, на подобіе ка-

заковъ и заперли всемірному завоевателю отступленіе при Фульдѣ. Тысячи другихъ баснословныхъ разсказовъ о новомъ раздѣленіи и возстановленіи германской имперіи, согласно съ великими планами прусскаго министра Штейна, прожившаго нѣсколько времени въ Петербургѣ [1], сильно возбудили во мнѣ страсть узнать, что дѣлается въ политическомъ мірѣ, и увеличили нетерпѣніе мое возвратиться на родину. Прежніе планы о путешествіи на Кавказъ и въ Константинополь рушились безвозвратно. Особенно грустно было подумать, что чистыя стремленія мои и моихъ товарищей — основать въ центрѣ Украйны новый, прочный разсадникъ гуманистическаго и литературнаго образованія, уничтожатся, что послѣ насъ древне-славянское варварство воцарится снова и интриги отсталыхъ русскихъ къ подавленію брошенныхъ нами сѣмянъ найдутъ свободную арену [2]. Тяжело также сжималось мое сердце неизвѣстностью: согласится ли жена моя, теперь еще больше заключившаяся въ се-

---

[1] См. его біографію, написанную Перцомъ.

[2] Вѣроятно, авторъ этихъ записокъ, изданныхъ въ 1854 году, имѣлъ утѣшеніе видѣть, что мрачныя его опасенія за будущность харьковскаго университета не сбылись: послѣ его отъѣзда древне-славянское невѣжество не нашло себѣ болѣе мѣста и не ужилось тамъ, гдѣ прежде было ему такъ привольно; сѣмена, брошенныя первыми дѣятелями, не заглохли.

бѣ, покинуть свои пенаты и поѣхать за мною въ Германію.

Путешествіе наше отъ Харькова до Москвы шло очень медленно. Зная, что постоялые дворы по нашей дорогѣ были рѣдки, мы не пропускали случая запасаться въ деревняхъ молокомъ, масломъ, яйцами и хлѣбомъ; но неразъ приходилось намъ готовить свой обѣдъ на чистомъ воздухѣ, за самоваромъ. Утомленіе безсмѣнныхъ лошадей и лѣность ямщиковъ принуждали насъ къ частымъ отдыхамъ. По причинѣ лѣтняго зноя, лучше было бы ѣхать ночью; но намъ мѣшали волки, которыхъ водилось такъ много въ южной Россіи, что я съ своимъ спутникомъ, пруссакомъ, нерѣдко принужденъ былъ мѣнять трубку на пистолетъ, чтобъ прогонять ихъ. Въ Бѣлгородѣ намъ попался даже лѣсничій изъ нѣмцевъ, который, охотясь на медвѣдя, брошенъ былъ русскими мужиками и потерялъ половину кожи съ лица.

Только съ переѣздомъ въ Великороссію кончилась утомляющая своимъ однообразіемъ степная равнина. Мѣстность приняла другой видъ: холмы, долины и рѣки смѣнялись чаще; въ деревняхъ, по большей части состоявшихъ изъ одной широкой улицы, показались крестьянскіе домы съ высокими крышами и надстройками; рядомъ съ деревянными бараками бросались въ глаза пестро раскрашенные куполы церквей и воздвигнутые при Екатеринѣ II

большія бѣленныя казенныя зданія и гимназіи. Съ приближеніемъ къ водному пути Волги и Москвы, торговое движеніе въ мѣстечкахъ и ямскихъ слободахъ замѣтно возрастало. По большимъ дорогамъ, ведущимъ въ Курскъ и Орелъ, попадались огромныя стада украинскихъ быковъ, перегоняемыхъ на сѣверъ, и длинные ряды одноконныхъ извощичьихъ телегъ, которыми управляли не столько спавшіе мужики, сколько смышленныя малорусскія лошади.

Въ Тулѣ встрѣтилъ я г. Горъ Узеле (Gore Ouseley), англійскаго посланника, возвращавшагося изъ Персіи со всѣмъ своимъ семействомъ, по утомительной дорогѣ чрезъ Кавказъ. Свита его состояла изъ доктора, одного маіора и секретаря посольства, Морьера, извѣстнаго автора Хаджи Бабы и другихъ романовъ въ восточномъ духѣ. Въ окрестностяхъ Тулы я замѣтилъ сохранившіеся еще слѣды огромнаго земляного вала, воздвигнутаго при Иванѣ Васильевичѣ I, для защиты страны отъ монгольскихъ набѣговъ.

Послѣ короткаго пребыванія въ Серпуховѣ, укрѣпленіи, построенномъ въ 1374 г., которое въ настоящее время составляетъ значительный фабричный и торговый городъ и служитъ малороссіянамъ мѣстомъ для складки кожъ и сала, мы въ концѣ іюля прибыли въ Москву.

Несмотря на предшествовавшую катастрофу, этотъ

огромный, раскинувшійся на 40 верстъ столичный городъ, по наружности болѣе азіатскій, нежели европейскій, представлялъ грандіозный, живописный видъ своимъ положеніемъ на подобіе амфитеатра, въ видѣ молодаго полумѣсяца, своими безчисленными куполами и колокольнями, сіявшими позолотою. Черезъ предмѣстья, обращенныя въ груду развалинъ, чрезъ пепелища трехъ частей города, облегавшихъ крѣпость тремя извилистыми линіями, добрались мы до высокаго Кремля и только тогда, осмотрѣвшись кругомъ, могли измѣрить все значеніе этого колоссальнаго разрушенія: одиннадцать тысячъ восемьсотъ деревянныхъ домовъ и лавокъ, вмѣстѣ съ огромнѣйшими запасами товаровъ, преданы были пламени; изъ 9158 каменныхъ жилищъ только 2626 уцѣлѣли отъ разрушенія. Одинъ смотритель училищъ, остававшійся въ городѣ при французахъ (съ которымъ Наполеонъ, раздосадованный выѣздомъ всѣхъ почетнѣйшихъ лицъ, благосклонно бесѣдовалъ), разсказывалъ мнѣ, какъ въ началѣ пожара заключенные выпускались по ночамъ изъ тюремъ, съ приказаніемъ отъ Ростопчина подкладывать огонь черезъ каждые три дома. Думая, что городъ возстановить легче, нежели государство, онъ подалъ сигналъ къ разрушенію, которое было потомъ поддержано и увеличено силами природы и необузданностію пьяныхъ солдатъ. Когда впослѣдствіи раздались безчислен-

ныя жалобы и обвиненія, тогда *Ростопчинъ* и единомыслящіе съ нимъ московскіе патріоты стали упорно отвергать величайшій подвигъ ихъ жизни.

Послѣ того Москва отстроилась по новому, болѣе правильному плану; главныя улицы вымощены; мостовыя изъ цѣльныхъ бревенъ исчезли; населеніе дошло до полумилльона, когда дворянство возвратилось снова съ своими безчисленными толпами слугъ, а фабрики и мануфактуры быстро поднялись. Но непобѣдимымъ препятствіемъ совершенно правильному проведенію улицъ было множество уцѣлѣвшихъ церквей; мѣшали также отдѣльно разбросанныя публичныя и частныя зданія, интересы пострадавшихъ отъ пожара и азіатскій безпорядокъ 64 большихъ и 521 малыхъ улицъ. Еще и теперь этотъ татарскій Римъ, по выраженію г-жи Сталь, представляетъ пеструю картину контрастовъ между великолѣпіемъ, роскошью и утонченностью, съ одной стороны, и бѣдностью, нищетою и варварствомъ, съ другой. Говорятъ, что въ настоящее время немного уменьшилась страшная толпа иностранныхъ учителей и гувернеровъ въ домахъ русскихъ баръ. Но съ возобновленіемъ города юстиція и администрація не обновились; правильно организованное взяточничество чиновниковъ и дерзкіе наѣзды полиціи не вывелись; возмутительное, не боящееся гласности, нарушеніе законовъ очень нерѣдко; въ особенности держится еще крѣпко

неуваженіе къ личности, *полицейскій самосудъ*, который не любитъ разбирательства и приводитъ всѣ рѣшенія къ одному итогу — къ спинѣ и бородѣ русскаго человѣка [1].

Первый мой выходъ направленъ былъ въ Кремль, возвышенную часть города, обнесенную стѣнами и рвами, въ которой, и послѣ разрушенія укрѣпленій и части древняго дворца царей, было что посмотрѣть въ соборахъ и монастыряхъ: мощи чтимыхъ русскими святыхъ, рукописи, картины. Когда я въѣзжалъ чрезъ спасскія ворота, украшенныя со временъ Ивана Васильевича I чудотворною иконою, мимо которой всѣ проходятъ съ открытою головою, мой набожный извощикъ началъ усердно креститься и незамѣтно снялъ съ меня шапку. Путеводителемъ моимъ былъ одинъ знающій монахъ, который, показывая гостинную комнату дворца, гдѣ жилъ Наполеонъ, сказалъ: здѣсь жилъ *антихристъ*.

Посѣтивъ университетъ [2], я нашелъ только двухъ профессоровъ: знаменитаго натуралиста *Фишера фонъ-Вальдгеймъ*, который сидѣлъ въ то время за фортепьяно и пѣлъ Гораціеву оду: Integer vitae scelerisque purus; съ нимъ отправился я къ *Гейму*, из-

[1] Это было писано въ 1854 г.

[2] Въ Бѣломъ городѣ, совершенно почти истребленномъ пожаромъ 1812 г.; тамъ-же находится величайшій въ мірѣ воспитательный домъ.

дателю русскаго словаря. Пострадавшей отъ пожара библіотекѣ университета я подарилъ небольшое собраніе римскихъ и греческихъ классиковъ, что было замѣчено русскими газетами. Уѣзжая изъ города, я продалъ свою тройку лошадей. На конномъ рынкѣ, между русскими, величаво расхаживали одѣтые богато и нарядно цыганскіе старшины. Русскій барышникъ покончилъ свой торгъ со мною хлопаньемъ по рукамъ, какъ это водится на китайской границѣ, въ Кяхтѣ. Съ нимъ пошелъ я въ отдаленное его жилище, гдѣ онъ досталъ деньги изъ огромнаго желѣзнаго сундука, наполненнаго ассигнаціями всѣхъ цвѣтовъ и, въ знакъ особеннаго расположенія, приказалъ своей дородной женѣ попотчивать меня и моего спутника, прусскаго офицера, превосходнымъ вареньемъ.—Такъ собралось у меня отъ четырехъ до пяти тысячъ наличныхъ денегъ; дорогою истрачено было нѣсколько сотенъ; счетъ на постоялыхъ дворахъ нигдѣ не превышалъ десяти рублей ассигнаціями, включая и кормъ лошадей.

Дорога отъ Москвы до Петербурга (727 верстъ), сложенная изъ цѣльныхъ бревенъ, шла по разчищенному тракту валдайскихъ горъ. Въ Твери множество барокъ, отходившихъ въ Петербургъ съ товарами, дало намъ въ первый разъ ясное понятіе о необыкновенной дѣятельности русскаго народа. Лучшимъ, живописнѣйшимъ пунктомъ нашего пу-

ти была дорога по валдайскимъ горамъ, которыя, по преданію, служили убѣжищемъ разбойниковъ, а теперь превосходно разчищены и вполнѣ безопасны. Высокая мѣстность этой русской Швейцаріи видна уже изъ того, что отсюда большія рѣки несутъ свои воды на югъ и на сѣверъ. Здѣсь-же въ первый разъ бросается въ глаза постройка деревянныхъ, расписанныхъ красками домовъ, совершенно непохожихъ на обыкновенныя избы русскихъ мужиковъ, и изысканный нарядъ деревенскихъ дѣвокъ и торговокъ съ ихъ мусслиновыми платками и золотыми и серебрянными головными уборами. Но какъ много эти обитательницы русской Швейцаріи потеряли изъ древней чистоты нравовъ,—мы узнали въ Торжкѣ, гдѣ статьи торговли нарядныхъ дѣвушекъ, обступавшихъ всякаго проѣзжаго, состояли не изъ одного шитья, кошельковъ и шляпъ.

Ближайшею нашею станціею былъ Великій Новгородъ. Этотъ нѣкогда славный, теперь совершенно павшій членъ ганзейскаго союза, заключалъ въ себѣ четыреста тысячъ гордыхъ свободою и богатствомъ гражданъ и купцовъ, пока Иванъ Васильевичъ кровавыми казнями, изгнаніемъ и переселеніемъ большей части жителей не положилъ конца ихъ республикѣ. Еще два столѣтія значеніе его поддерживалось выгоднымъ для торговли и судоходства положеніемъ при Волховѣ, впадающемъ въ Ладожское озеро; наконецъ, съ заложеніемъ Петер-

бурга онъ навсегда пересталъ быть средоточіемъ балтійской торговли. Въ двухъ главныхъ частяхъ города, торговой и софійской, соединенныхъ съ крѣпостью мостомъ и часто страдавшихъ отъ пожаровъ, живутъ теперь одни ремесленники, торговцы и извозчики; для археолога и художника особенно привлекательна третья часть города,—лежащая въ самой крѣпости,—своимъ соборомъ, богатымъ византійскими древностями. Тамъ, кромѣ мѣдныхъ корсунскихъ воротъ, хранятся иконы византійскихъ художниковъ, замѣчательныя по особому смѣшенію красокъ.—Минуя бурный Ильмень, мы черезъ Царское Село въѣхали въ Петербургъ.

Въ то время въ Петербургѣ дѣлались огромныя приготовленія въ честь увѣнчаннаго лаврами побѣдъ императора Александра и его колоссальной гвардіи; сѣверная резиденція, обыкновенно тихая, была оживлена, какъ никогда; гордое сознаніе націи, внезапно поднявшейся, какъ исполинъ послѣ долгаго сна, и не безъ презрѣнія смотрѣвшей на всѣ другіе народы, освобожденные Россіею изъ-подъ Наполеонова рабства, проглядывало вездѣ и высказывалось даже въ скромныхъ рѣчахъ воспитанниковъ педагогическаго института. При этомъ случаѣ я удивлялся тонкому такту графа Разумовскаго, который вѣжливою благодарностью избавилъ очень кстати меня и другихъ иностранцевъ отъ слишкомъ панегирической рѣчи одного восторженнаго воспи-

танника. — Мнѣ удалось также видѣть замѣчательное зрѣлище: парадъ сорокатысячной гвардіи, на марсовомъ полѣ, въ присутствіи императора и блестящей свиты знаменитѣйшихъ русскихъ генераловъ, и ежегодное торжество въ день Александра Невскаго, 30-го августа.

Длинная процессія, вслѣдъ за придворнымъ штатомъ, въ полной формѣ, тянулась черезъ весь городъ, вдоль берега Невы и остановилась у александро-невскаго монастыря. Здѣсь императоръ, подъ руку съ своею матерью, отличавшеюся величественною наружностью, прослушалъ длинную молитву съ колѣнопреклоненіемъ.

Желаніе мое представиться императору до отъѣзда его на вѣнскій конгресъ не исполнилось, по случайному обстоятельству. Я отправился въ загородный дворецъ Александра, на Каменномъ острову, въ лодкѣ; поднявшаяся внезапно буря занесла насъ на запалную сторону; послѣ страшныхъ усилій, мой русскій лодочникъ высадилъ меня на берегъ, гдѣ я, промокши до костей, нашелъ убѣжище въ домѣ знаменитаго математика Шуберта. Но здѣсь узналъ я, что императоръ приготовился совсѣмъ къ отъѣзду и изъ устъ лейбъ-медика Вилье услышалъ: «C'est trop tard».

Однакожъ я продолжилъ свое пребываніе въ Петербургѣ, чтобъ осмотрѣть все замѣчательное и вмѣстѣ съ тѣмъ отдалить, сколько возможно, послѣд-

нюю разлуку съ своею женою, въ ожиданіи ея рѣшенія. Но когда надежды мои убѣдить ее поѣхать со мною въ Германію или получить мѣсто въ Петербургѣ не сбылись, я рѣшился на горькую разлуку, и зимою въ 1815 году выѣхалъ въ Германію, по дорогѣ чрезъ Лифляндію на Таурогенъ. Въ апрѣлѣ 1816 года былъ я уже въ Касселѣ и очень скоро занялъ мѣсто профессора исторіи въ Марбургѣ. Оттуда еще разъ писалъ я къ женѣ, которая жила въ Петербургѣ у своей подруги, графини Ламбертъ, приглашая ее послѣдовать за мною въ Германію; но скоро получилъ въ отвѣтъ, что, по привязанности къ родинѣ и религіи, она рѣшилась остаться въ своемъ отечествѣ. Впослѣдствіи узналъ я, что Маргарита Ивановна, разставшись со мною, вела очень набожную, монашескую жизнь и въ 1833 году скончалась въ Елисаветградѣ.

Увольненіе изъ русской службы я получилъ еще въ августѣ 1815 года; въ моемъ аттестатѣ означены были услуги, оказанныя мною харьковскому университету. Черезъ нѣсколько времени мнѣ выслали также брилльянтовый перстень, à cause des bons sentiments qu'il (Rommel) a temoigné pendant son séjour en Russie, какъ выразился графъ Нессельродъ въ письмѣ, при которомъ препровожденъ былъ подарокъ.

Съ полною признательностью вспоминаю то радушное гостепріимство, которымъ пользовался я въ

Россіи, и сознаюсь, что нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ мною тамъ, значительно разширили мой кругозоръ и еще болѣе укрѣпили во мнѣ любовь къ германскому отечеству.

Прибавимъ нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ историка харьковскаго университета.

Въ 1820 году Роммель вызванъ былъ, съ званіемъ исторіографа, изъ Марбурга въ Кассель, гдѣ ему поручено завѣдываніе королевскимъ и государственнымъ архивомъ, а въ послѣдствіи—библіотекою. Заслуги его для этихъ учрежденій, особенно для исторіи своего отечества, Гессена, награждены были между прочимъ возведеніемъ въ дворянское достоинство. Главное его сочиненіе: Geschichte v. Hessen (Bd. 1—8. Hamb. u. Gotha. 1820—43), котораго послѣдняя, 9-я часть (Kassel, 1853), имѣетъ еще особенное заглавіе: Geschichte Hessens seit dem Westphälischen Frieden. Достойны также вниманія его изданія: Correspondence inédite de Henri IV, roi de France, avec Maurice le Savant, Landgrave de Hesse (Par. 1840) и переписка между Лейбницемъ и ландграфомъ Эрнстомъ фонъ-Рейнфельсъ (2 Bde. Frankf. am Main. 1847). Роммель скончался въ ночь съ 20-го на 21 января (н. ст.) 1859 года.

Я. Баллянтый.

ПРОВЕРЕНО